

18+

МАЙЯ НОВИК

---

# Захват

БАЙКЕРЫ ПРОТИВ ИНОПЛАНЕТЯН



Майя Новик

**Захват. Байкеры  
против инопланетян**

«Издательские решения»

**Новик М.**

Захват. Байкеры против инопланетян / М. Новик —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606652-6

Две друга: москвич Леха Кириллов и питерец по кличке Кроха путешествуют на мотоциклах до Владивостока и по дороге заезжают переночевать на заброшку среди тайги. Но оказывается, они не единственные гости на территории старой воинской части... И теперь есть только два выхода: бежать или драться.

ISBN 978-5-00-606652-6

© Новик М.  
© Издательские решения

# Содержание

Майя Новик	6
Захват (оккупация)	7
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	40
Глава четвертая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

# **Захват Байкеры против инопланетян**

**Майя Новик**

© Майя Новик, 2023

ISBN 978-5-0060-6652-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## **Майя Новик**

## **Захват (оккупация) Байкеры против инопланетян**

фантастический боевик

Все герои и события вымышлены,  
совпадения имен, прозвищ  
и происшествий – абсолютно случайны.

## Глава первая

Поездку на Байкал мы с Крохой задумали два года назад на слете мототуристов под Тверью. Славный такой был междусобойчик, и напились мы тогда сильно.

Весь первый день у меня ушел на то, чтобы выяснить причину неисправности моего мотоцикла, тогда у меня был старый, как мамонт, «Кавасаки Элиминатор».

Купил я этот замученный аппарат занедорого, и поэтому чего удивляться, что на дороге текли то масло, то бензин. Но с этими делами я худо-бедно справлялся, а тут искра пропала.

Хорошо, хоть он до места меня довез и только тут помер!

Вытащил я «мигометр»<sup>1</sup> и быстро понял, что все, приехали! Произошло самое худшее, что могло случиться вдали от дома – сдох генератор.

И зачем только меня понесло вдаль на этом старом мотоцикле! И доехал ведь!

Но тут везение закончилось.

Кроха меня тогда выручил. Среди всеобщего веселья он один увидел, что я мне не до праздника. Поинтересовался, что случилось, а узнав, в чем дело, покачал головой.

– Ну ты даешь! Третий клапан на цилиндр! – и похлопал меня по плечу, буквально вбив по колено в землю, а потом ушел и договорился с кем-то из знакомых москвичей, чтобы после окончания слета меня с мотоциклом подбросили на грузовичке до дома.

Я вздохнул с облегчением, махнул на полонку рукой, вытащил из сумки запасы пива и подсел к костру, возле которого уже сидел Кроха.

Так мы и познакомились. Оказалось, что он – питерец, а я – коренной москвич. Когда пиво закончилось, мы достали из запасов заветную бутылочку «Красного Франкенштейна»<sup>2</sup> и тут вдруг обнаружили, что у нас есть много общего! В частности – планы. Планы состояли в том, что каждый собирался продать свой нынешний аппарат и купить эндуро<sup>3</sup> – мотоцикл для прохвата по бездорожью и для дальних странствий.

Кроха, как и я, мечтал доехать до Владивостока, смыть грязь с мотобот соленой водичкой Тихого океана.

Ну или хотя бы до Байкала! Байкал! Иностранцы на Байкал прут! Немцы, американцы, итальянцы! Даже негры! А мы чем хуже?!

Но сначала надо было поменять мотоциклы.

У Крохи была «Хонда Магна» игривого желтого цвета с черепами по баку, которая под двухметровым, натянутым в кожу Крохой казалась игрушечной. Да и я уже понял, что по лесам и по грязи на моем «Кавасаки» далеко не уедешь – на заднем колесе протектор был буквально шариковой ручкой нарисован. Только шоссе!

А там что? Там Сибирь! Тайга! Бездорожье! Волки воют и медведи бродят! О трассе «Байкал» дальнобойщики легенды слагают и песни поют. А что? Нормально! Как раз для нас! Раз уж мы сюда на чопперах добрались, то на восток нам сам Бог велел прокатиться!

Короче, когда «Красный Франкенштейн» подошел к концу, мы даже сроки назначили. На следующий год в июле собрались ехать.

Но куда там! И мне в газете, где я работал корреспондентом, отпуск летом не дали, и у Крохи проблемы начались. Он влез в кредит, потому что купил «Абрикоса» – КТМ «Адвенчер», и денег у него было – куры наплакали.

---

<sup>1</sup> Герой имеет в виду мегаомметр – прибор для измерения больших значений сопротивлений в электрических цепях

<sup>2</sup> Известный в байкерских кругах напиток. Отличается крепостью и кроваво-красным цветом

<sup>3</sup> Эндуро – мотоцикл на длинноходных подвесках, предназначенный для грунтовых дорог и бездорожья. Эндуро могут быть разными. Легкие эндуро предназначены для леса, тяжелые и мощные – для путешествий.

Я продал «Кавасаки» и весной купил себе «Ямаху ХТ600».

Ну да, не такой дорогой и мощный, как КТМ! Но КТМ мне и не по росту! Зачем он мне?

Нет, так-то я в норме – метр семьдесят, сплошные мышцы, но до Крохи мне далеко!

Эндуро вообще отличные мотоциклы, но сиденье у них высокое. А на мотоцикле что самое главное? Чтобы ноги до земли доставали! А то я знал одного чудика, который ездил от столба до скамейки и от забора до крыльца. Ноги у него, понимаете, до земли не доставали, вот он и вынужден был всегда останавливаться у какой-нибудь возвышенности, чтобы опереться хотя бы одной ногой и не упасть.

В это лето мы смогли только выбраться на север: прокатились до Мурманска и даже немного дальше. Очень уж мне хотелось реабилитироваться в глазах Крохи, показать, что я не разгильдяй, в мотоциклах секу, и в дороге на меня положиться можно.

Поездка получилась отличной, и мотоциклы показали себя превосходно. Было что вспомнить долгой, слякотной, московской зимой.

Еще пару раз уже осенью мы выбрались погонять по лесам, но все это, сами понимаете, не то!

Какие тут леса, какая Карелия, когда манит Тихий океан, и слышится по ночам шорох набегающей на каменистый пляж морской волны, и крики чаек тоже снятся. И чувствуешь, как разгоряченных щек касается прохладный ветерок, а синие сопки вокруг окутаны туманом...

Проснешься, и только часы у изголовья кровати тикают, да за окном шум машин не стихает! А ты знаешь, что внизу, прямо перед подъездом в металлическом гараже-«ракушке» стоит и терпеливо ждет до последнего винтика перебранная твоими руками «Ямаха», поблескивает она там, зараза, синим баком, манит в дорогу. Аж скулы от обиды сводит, честное слово!

Следующая зима показалась бесконечной. Отпуск я выбил из начальства угрозами и наглым подхалимажем и готовиться к поездке начал заранее, про себя решив, что если Кроха не поедет, ломанусь в одиночку, где наша не пропадала!

Тут, главное, глядеть в оба, ночевать подальше от жилья, не светиться в деревнях по трассе и не пить с местной гопотой.

Но тут Кроха как будто почуял, что я могу уметелиться один, и позвонил.

– Еду! – рыкнул он мне в ухо из трубки.

Встретиться мы решили в Чебоксарах, у Коляна. Я, конечно, приеду туда раньше Крохи: от Москвы тут всего километров шестьсот, а Кроха подъедет позже. Полторы тысячи километров за день – не шутка! Хотя с другой стороны, «Абрикос» у него мощный, по трассе, наверное, спокойно идет сто шестьдесят – сто восемьдесят, не то, что мой коник, для которого сто сорок – предел.

И вот одним хмурым московским утром я запер квартиру и скидал вещички на «Ямаху». Под грузом вещей мотоцикл стал походить на груженого ослика. Вывел я ее из стойла, прогрел, застегнул все обмундирование, все ремешки и хлястики, шелкнул застежкой любимого итальянского шлема, сел в седло, в последний раз посмотрел на окна своей квартиры на седьмом этаже и открутил ручку газа.

Впереди была неизвестность, и от этого на душе было легко, и что-то по-щенячьи подрагивало в солнечном сплетении: от волнения там билась какая-то жилка.

Горьковское шоссе брызнуло мне в лицо дождиком, но останавливаться, чтобы надеть дождевик, я не стал. Дождик был редкий, впереди уже виднелись просветы между облаками, в которые проглядывало солнце.

Двигатель мотоцикла пел, стекло шлема, в которое бил поток прохладного, утреннего ветерка, тихонько посвистывало, и настроение с каждым пройденным километром становилось все лучше и лучше!

К Коляну я приехал, испытывая приятную усталость. Кроха подъехал на четыре часа позже, уже в темноте – гнал, как угорелый. Но похоже, не особо устал: когда он пожал мне

руку, то стиснул ее так, что я решил было, что больше мне не рулить, но на этот раз обошлось. Ну а потом что? Ужин, горячий чай да по маленькой.

И спать. Завтра – снова в дорогу!

Это были лучшие дни моей жизни за последние четыре года. Денег, что у меня, что у Крохи было немного, и мы решили, что в придорожных кемпингах будем останавливаться только крайних случаях. Обедали в кафе, завтрак и ужин готовили на газовой горелке. Продукты покупали в крупных городах.

В палатке я сразу вырубался, едва щека касалась свернутой вместо подушки мотокуртки.

Холодно, правда, по ночам стало. И чем ближе мы подъезжали к Байкалу, тем холоднее становилось.

Приключения начались где-то на границе Красноярского края и Иркутской области.

Во-первых, исчезла нормальная дорога и кусками пошла гравийка с ухабами. Приходилось объезжать медленно плетущиеся фуры, которые устрашающе раскачивало из стороны в сторону на колдобинах.

Во-вторых, нас догнал дождь. Да не дождь! Обвальная ливень!

От самого Новосибирска мы убегали от тяжело бегущих за нами иссиня-черных туч, но все-таки они нас настигли.

В этот момент мы поняли, что такое Сибирь, потому что температура воздуха упала до плюс десяти градусов, и погода стала напоминать осеннюю. В какой-то момент я услышал, как зубы стали выбивать замысловатую дробь.

Темнело, мотоциклы вязли в грязи, по краям дороги тянулась глубокая, наполненная мутной водой канава, а за канавой шел непроходимый, неприветливый лес.

Дорога опустела, надо было останавливаться на ночевку, но съездов не было, не было здесь и кемпингов, это мы знали по рассказам бывалых мототуристов.

Короче, влипли! До следующего города, это был какой-то Тайшет, было километров двести, не меньше, и было непонятно, что делать.

Наконец, Кроха притормозил на каменистом пригорке, поднял вверх стекло, а я остановился рядом.

– Чего делать будем, камрад Леха?

Я пожал печами.

– Чего! Искать ночлег надо, вот чего!

– Короче, первый же съезд – наш?

Я только кивнул в ответ шлемом, опустил стекло. Поставить под таким дождем палатку и не намочить спальники – это еще изловчиться надо, но выхода не было.

Мы миновали деревеньку, на улицах которой не было ни души, а в окнах не мерцало ни единого огонька, и снова углубились в лес. Почти совсем стемнело. Все труднее стало ворочать рулем: было холодно, неприятно и немного тревожно.

Этот съезд заметил Кроха – неприметную дорожку, уходящую куда-то направо, в темные дебри леса. Съезд почти скрывала нагнувшаяся над дорогой береза. Мы по очереди поднырнули под ее длинные ветви и поехали в темноту. Свет фары выхватывал из темноты то ветку молодой сосны, то обочину. Посверкивали капли дождя.

Неожиданно дорогу преградил шлагбаум. Для мотоциклов преграда была чисто символической: мы объехали его по кустам, и направились дальше.

Потом мы, конечно, не раз думали, что не надо было этого делать, но как говорится, «Хорошая мысль приходит опосля!»

...Метров через пятьсот мы снова остановились: дорогу перегородили хлипкие, низенькие ворота из свежих досок. Сверху они были символически замотаны ржавой цепью. Справа

виднелся проход для пешеходов. Мы проехали внутрь. Посветили фарами туда-сюда и увидели невдалеке темные заброшенные здания.

Что это было – разоренная лесопилка или разграбленная местными воинская часть, нам было без разницы. Главное – найти сухой укромный угол.

В отдалении я заметил череду гаражных боксов. Ворота и даже железные косяки были выворочены из проемов, но сами боксы оставались целыми.

Я подогнал мотоцикл к ближайшему гаражу. В нем без труда мог поместиться КамАЗ или БТР.

Пол был замусорен, но здесь было сухо, можно было без проблем приготовить еду, переночевать, потому что над головой была крыша. Крыша! В таких путешествиях начинаешь быстро ценить крышу над головой!

Загнали мотоциклы внутрь, спинали мусор в угол, и через полчаса каркасная палатка была поставлена, на газовой горелке грелся котелок, а мокрые дождевики были развешаны для просушки самым живописным образом. В ход пошли заветная фляжка с коньяком и НЗ – огромная плитка шоколада. Фляжка у Крохи была литра, наверное, на три: мы как следует приложились к ней, но кажется, там ничуть не ubyло.

А после ужина мы завалились спать, и последней мыслью было, что надо бы завтра встать пораньше, а то мало ли кто сюда может пожаловать. Вдруг мы заехали на частную территорию или еще куда!

Ледяной дождь стучал по утрамбованной площадке перед въездом в гараж, шуршал по траве и по листве, и я вырубился так же быстро, как и во все предыдущие разы.

...Проснулся я от тяжелых шагов рядом. Это топал Кроха. Я расстегнул спальник, высушил из палатки нос.

Солнце поднималось с другой стороны, и в гараже было еще сумрачно, а все пространство перед гаражом – заросшая травой дорожка, серый, бетонный забор в отдалении и лес за ним были залиты ослепительным солнцем. Промытая дождем влажная листва трепетала на свежем ветерке. Было еще очень прохладно, но все говорило о том, что день будет жарким. На лицо сразу же спикировал звенящий комар, я хлопнул себя по щеке.

– Вылазь! – хмуро сказал Кроха, по утрам он всегда был мрачным. – Уже полседьмого. Кофа, вон, готов уже.

На примусе пытел котелок с остатками воды. Мы позавтракали, собрали вещички, навьючили мотики, выкатили их из гаража, и тут бы нам уехать отсюда подобру-поздорову, переночевали в сухом месте – и ладно!

Но я обернулся и присвистнул, потому что ночевали мы, оказывается, на заброшке<sup>4</sup>. Да на какой заброшке! Мы находились на задворках воинской части, и позади нас был взорванный капонир.

Подкатили мы к нему, я вытащил фотоаппарат и давай фотографировать! Азарт, понимаете?

Да и Кроха был не против, тоже вытащил из кармана смартфон, щелкнул пару раз.

Было понятно, что капонир взорвали много лет назад, плиты и перекореженные куски бетона заросли мхом и травой.

С другой стороны капонира росли кусты, а за ними виднелось пустое пространство. Полез я в кусты, – комаров там было! Тучи! Гляжу, а дальше дома стоят, да еще к тому же целые!

Ну тут уж мне комары – не комары! Я только Крохе крикнул, чтобы он меня здесь ждал, а сам сквозь кусты продрался. Но Кроха вдруг за мной рванул, видать тоже хотелось посмотреть что да как.

---

<sup>4</sup> Заброшенный объект. Как правило, воинская часть, больница или пионерский лагерь

Оказалось, что кроме взорванных капониров тут был командный пункт, кирпичные полуразобранные казармы и какие-то ангары.

В зарослях кроме комаров оказалась еще и мошкá. Ее там просто прорва какая-то оказалась, можно было сгребать с себя горстями. Она забивалась в глаза, лезла в брови, под шлем, в уши.

Отбиваясь от гнуса, мы вывалились на аллею, с двух сторон обсаженную толстыми, старыми тополями. Вдалеке виднелись трехэтажные здания с выбитыми стеклами.

Меня туда как магнитом потянуло! Против солнца снимать смысла не было, надо было зайти с другой стороны.

Но тут почему-то затормозил Кроха.

– Давай вернемся! – предложил он, оглядываясь.

Надоело ему уже, да и мотоэкипировка к ходьбе не располагала. Солнце поднималось все выше и выше, и через куртку стало припекать. Мы уже довольно далеко утопали от мотоциклов.

– Ты иди, покури! – предложил я. – Я быстро! Одна нога там, другая – на трассе!

Кроха поколебался немного, а потом повернул обратно: беспокоился о своем «Абрикосе». Еще бы! Если бы я выплатил за мотоцикл столько, сколько он, да еще изрядно потрагился бы на расходники<sup>5</sup>, я бы тоже от мотоцикла не отходил!

Я рысью понесся к домам, на ходу меня настройки в фотоаппарате.

Слева из-за зарослей черемухи выглядывала труба котельной, справа, за домами, виднелось длинное, одноэтажное кирпичное здание с провалившейся крышей.

Я зашел со стороны солнца и сделал несколько снимков ближайшей трехэтажки. А потом зашел внутрь.

Воняло плесенью и чем-то тухлым. Облупившаяся дверь на первом этаже оказалась запертой, и я бегом поднялся на второй этаж.

По коридору из торца в торец здания гулял свежий ветерок. Сам коридор был живописен: облезшая краска, осыпавшаяся штукатурка, разбитые плафоны над головой, вырванная проводка и чудом уцелевший агитплакат в серых разводах влаги: все в лучших традициях забросшек.

Я снова взялся за фотоаппарат.

В комнатах было навалено много истлевшего хлама: разбитые настольные лампы, приборы, колбы, закившие от сырости ворохи старых журналов и стопки желтых книг.

Во мне проснулся археолог. Под ногами попадались части электроприборов, обломки письменных принадлежностей. Самое приметное из того, что я нашел – была старая заводная электробритва, на тыльной стороне которой было подобие ключика.

Наконец, я забрел в комнату, где вдоль стены стояли длинные, деревянные ящики, выкрашенные зеленой краской. Выглядели они довольно новыми, и это показалось мне странным. В ящиках лежали под сумки с медикаментами, в отдельных ячейках находилось по две ярко-оранжевые коробочки, похожие на армейские аптечки – такие нам показывали в школе на уроках ОБЖ<sup>6</sup>.

Удобная вещь! Коробки вполне могли пригодиться в походе. И в этот момент прямо над головой раздались шаги.

Шаги были мелкие, дробные, словно по третьему этажу пробежал ребенок. Я сказал – словно? Я неправильно сказал! Это не было похоже на то, как бегают ребенок, ни на что это

---

<sup>5</sup> Расходниками байкеры называют запчасти, которые необходимо менять раз, а то и два раза за сезон. Например, тормозные колодки, шины, цепь, ведущие и ведомые звезды

<sup>6</sup> Основы безопасности жизнедеятельности

не было похоже! Разве только по третьему этажу бегали ежики-мутанты весом килограммов в сорок-пятьдесят!

Я сунул пару аптечек в карман и прислушался. Звук наверху не повторялся, зато под окнами отчетливо хлопнула дверца автомобиля. Я не слышал, чтобы к дому кто-то подъезжал, и до этого момента считал, что тут никого нет. Едва не споткнувшись о перевернутое старое кресло, я подскочил к окну.

Кто здесь мог быть? Мародеры? Бандюки? Черные лесорубы?

Внизу стоял здоровенный военный джип. Рядом с ним с ноги на ногу переминались двое рослых вояк. Все чин-чином: каски, камуфляж и «Калашниковы» за спинами. Четверо типов помельче грузили в джип какие-то блестящие болванки. Болванки, которые они грузили в машину, были продолговатой формы, а сверху на каждой что-то было выдавлено – то ли логотип, то ли еще какие-то знаки. Одеты типы были странно – в мешковатую, серую форму, в каски и в противогазы. На руках матерчатые, белые перчатки.

А противогазы были забавные! Старые, словно их достали из стратегических запасов, с отдельными стеклами-очками, и вместо фильтрующей коробки чудной такой раструб, а в раструбе этом словно бы лепестки шевелятся, ходят туда-сюда: видно, как они дышат.

И так меня это изумило, что я даже фотографировать перестал.

Я сначала решил, что наверняка болванки эти из какого-то опасного материала – недаром коротышки с ног до головы укутаны. Но потом понял, что это не так – ведь вояки стояли рядом совершенно спокойно. И даже сумок с противогазами при них не было.

Тут я вспомнил про фотоаппарат.

Нет, я не самоубийца, и отлично понимал, что лучше бы мне слиться отсюда, пока меня не обнаружили. Не знаю, что на меня нашло. Любопытной Варваре... Да-да, вот ей оторвали все, что можно было, и меня тоже следовало за любопытство по носу щелкнуть. Да не было рядом Крохи, он бы меня за шиворот оттуда уволок.

Между тем, коротышки закончили грузить болванки, откуда-то принесли несколько здоровенных мешков и стали их заталкивать в машину. И тут один из этих «серых», видимо, неудачно мешок внутрь затолкал, и мешок обратно вывалился и на землю шлепнулся! И из горловины мешка вдруг рука показалась. Серая такая. И из этой руки крупные белые бусины в стороны побежали. Как живые! А серый рывком мешок поднял, руку внутрь деловито запихал, а рассыпавшиеся бусины собрал аккуратно, мешок обратно в машину затолкал, еще и утрамбовал, как следует. Словно и не человек там был, а так, то ли навоз, то ли опилки.

Вот тут я от окна попятился. Потому что в мешке в этом человек, ни живой, ни мертвый никак не мог поместиться! Разве что его на куски порезали да сложили, как «тетрис»!

Я забыл, что за спиной у меня кресло сломанное. Попятился и запнулся.

Громыхнул не то, чтобы очень сильно, в коридор выскочил, глянул вдоль него, а на другом конце «серый» стоит! В такой же робе, в противогазе и в перчатках! Меня увидел, замер на мгновение, и вдруг как заорет! Словно сирена МЧС! Я и не знал, что так орать в противогазе можно! Крик жуткий, и нечеловеческий какой-то. И вот руку на отсечение даю, но как только он заорал, воздух в коридоре как будто наэлектризовался, у меня даже волосы дыбом встали и шлем приподняло! Но думаю, со страха показалось.

Вылетел я на лестницу и в три прыжка внизу очутился, на улицу выбежал и слышу: заводят вояки свою здоровенную машину!

Тут уж дай Бог ноги! Вот когда я порадовался, что по утрам кроссы бегал и курить бросил! Хотя в мотоэкипировке и в мотоботах бегать несподручно. Хорошо, что боты я себе туристические купил, в спортивных я бы спекся сразу.

Смекнул, что по аллее мне от машины не уйти, и рванул напрямую, через заросли.

И зачем только я в эти казармы полез?

Выстрелы я услышал, когда через кусты ломился, видимо, кто-то из вояк из автомата дал очередь вслед. И еще услышал, как пули по листве шуршат. Никогда до этого я таких звуков не слышал! Скажу сразу: я в армии не служил, а что стреляли мне вслед из автомата – догадался. Раз у каждого вояки было по калашникову, из чего еще им стрелять?

Тут откуда что взялось: бросился я на землю, перекатился через плечо и дальше рванул, и одна только мысль у меня, чтобы Кроха обо всем догадался, и мне не пришлось его искать!

В кустах возле взорванного капонира я споткнулся и рухнул прямо в самую гущу кустов, сухая ветка ткнула мне в скулу, да только я боли сгоряча не почувствовал и фотоаппарат из рук не выпустил.

И тут снова очередь дали! Но стреляли издалека, и пули рассыпались высоко над головой.

К мотоциклам я выкатился кубарем.

Оказывается, Кроха времени зря не терял! Он-то и в армии служил, и в горячих точках побывал, так что мгновенно в ситуацию врубился!

Питерец уже сидел в седле и был готов рвануть с места в карьер, а моя «Ямаха» тихомирно стояла рядом. Я на ходу закинул ремень фотоаппарата через голову, прыгнул в седло, воткнул ключ в замок зажигания, повернул его, молясь про себя о том, чтобы мотоцикл завелся с первого раза.

«Ямаха» послушно завелась! Я уже готов был с места сорваться, как вдруг вижу: Кроха вместо того, чтобы мотоцикл пришпорить, наоборот, с него слез!

Оказывается, один из «серых» за мной по кустам пешком гнался! А я его даже и не услышал! Оружия у него не было, но здоровый он такой был, коренастый. Ясно-понятно, просто так не отпустит.

Короче, слез Кроха с «Абрикоса» да и дал перчаткой в глаз этому чудику в противогазе. Дал, вроде бы, несильно. Но кулак-то у Крохи здоровый! К тому же на перчатке – кевларовая накладка. В общем, лопнуло на противогазе стеклышко. Я ожидал, что серый отмахиваться начнет или своих на помощь звать, а он просто осел на землю. То ли вырубил сразу, то ли еще что. Мне так вот показалось, что он сразу же и помер!

Но думать об этом было некогда, потому что в следующий момент мы что есть духу гнали по лесной дорожке, по которой сюда приехали. Сначала я впереди мчался, а потом Кроха своего «Абрикоса» так пришпорил, что мне только куртку его яркую и было видно на прямых отрезках дороги. Я пытался не отставать, да куда там!

А потом сзади опять очередь ударила, и я понял, что преследователи на внедорожнике у меня за спиной повисли. Ну тут уж я выжал из старушки «Ямахи» все, что мог! Хорошо, что дорога была извилистой – она поворачивала то туда, то сюда, и преследователи то и дело скрывались с глаз!

Но я отлично понимал, что долго это продолжаться не может! И вот ведь зараза: вроде бы и на эндуро я, то есть по идее, на мотоцикле, который проедет везде, а преимущества – никакого! Потому что тут лес такой, что с дороги не свернешь – деревья стеной стоят и бурелом.

Короче, Сибирь!

А по прямой машина эта догонит меня в два счета! Не знаю, как «Абрикос» у Крохи, а моя коняга не вытянет против такой махины!

Я едва не упал на том месте, где по кустам объезжал шлагбаум. Чудом мотоцикл удержал.

Страха не было, сплошной адреналин. Двигатель пел, и шины совершенно упоительно шуршали по песку.

Через минуту мы вылетели на трассу.

В первый раз в жизни я совершил поворот с заблокированным колесом: нажал на задний тормоз в повороте, и мотоцикл развернуло на скользкой глине. Чуть-чуть пришлось все-таки опереться на дорогу, но только на мгновение, а потом я снова открутил ручку газа до упора и понесся вслед за удаляющейся курткой Крохи. Чтобы не терять скорости на ямах, пришлось встать на ноги.

Нам повезло: в семь утра на дороге уже были машины, и почти сразу мы обогнали медленно ползущую фуру! Выстрелов сзади больше не было, однако погоня продолжалась.

Обернувшись, я увидел, что внедорожник кидает по ухабам, и он поотстал.

Кроха впереди отважно нырнул между двух огромных грузовиков. Он уже достиг куска хорошего асфальта, и снова прибавил скорости!

Я устремился следом. Я отчетливо видел лицо водителя встречной фуры, который с крайним изумлением смотрел на второго «камикадзе», который лез под колеса, но кажется, все-таки сбавил газ и увел свою громадину немного в сторону, чтобы не раздавить меня. Я промчался между двух громающих чудовищ и выскочил на асфальт. Ровная дорога закончилась буквально через пятьсот метров. Снова пошла тряская гравийка.

Я оглянулся. Внедорожник был уже довольно далеко от нас.

Не знаю, сколько мы так гнали. Минут сорок, не меньше. Мне мешал фотоаппарат, который все время съезжал к баку, и там его могло побить, потому что мотоцикл на ямах здорово кидало. Все время приходилось сдвигать его вбок. Он же дорогой, зараза, был! Разобью, как без него работать буду?

Впереди замелькали яркие пятна. Я пригляделся. Вся дорога впереди была забита машинами. Пробка! Родная пробка здесь, посреди тайги! Что может быть чуднее? Подъехав ближе, я увидел, что все машины, стоявшие в пробке, ехали в том же направлении, что и мы.

У меня внутри екнуло.

Что случилось?..

Мы лавировали на скользкой дороге между машин и водителей, которые, тревожно переговариваясь, бегали по грязи в одних тапочках.

Нам повезло! Так повезло, что я потом еще долго благодарил судьбу. Натурально, Бог есть!

Оказалось, на одной стороне узкой дороги сломалась фура, а на другой стороне грузовики так размесили грязь, что огромный, груженный MAN<sup>7</sup> застрял в этом месиве, закопавшись по оси.

С двух сторон глухой стеной стоял лес, и объехать грузовые машины не было никакой возможности. Мы же с Крохой направили свои мотоциклы в самую глубокую колею между MANом и КамАЗом и неторопливо выбрались из нее наискосок – туда, где было посуше. Мы еще какое-то время лавировали между встречными машинами, которые с другой стороны пробки запрудили всю проезжую часть, а потом вырвались на простор, то есть на дорогу, на которой не было ни единой машины!

Преследователи остались далеко позади, и шансы догнать нас таяли с каждой минутой.

Мы, не сговариваясь, гнали и гнали вперед и остановились только на въезде в Тайшет – заправиться. На АЗС было людно.

Оказалось, что у меня распорота щека, и все правая стороны лица – в засохшей крови. Кое-как я ее оттер с помощью слюны и старенькой банданы<sup>8</sup>.

Пока мы заливали бензин в баки, Кроха посматривал на трассу. Но трасса была пустой. Ни одной машины так и не появилось с той стороны.

---

<sup>7</sup> MAN – немецкий грузовик. Аббревиатуре начало положило название концерна «Maschinen fabric Augsburg Nurnberg»

<sup>8</sup> Бандана – байкерский платок, который мотоциклисты повязывают на голову

– Третий клапан на цилиндр! Ты куда там залез? – шипел Кроха, заправляя КТМ. – В секретную лабораторию, что ли?

Я виновато пожал плечами.

– Да фигня какая-то...

Но нам пришлось замолчать, потому что какой-то молодой парень, водитель криворукой<sup>9</sup> «Тойоты», проходя мимо нас, ткнул пальцем в мою сумку.

– Мужики! Что-то у вас там побежало!

Я посмотрел, пощупал. Так и есть! Пуля попала аккурат в бутылку заветного «Баккарди», который я планировал распить на берегу Тихого океана! Невелика потеря! Главное, голова на месте!

Мы заправились, торопливо выехали на дорогу и снова устремились на восток – к Байкалу!

В Иркутске мы были через пять часов. Влет отмахали больше семисот километров! Задница у меня под конец приняла форму сиденья и представляла собой одну сплошную мозоль. За все время увидели только один пост ГИБДД – в каком-то городке. Полицейский равнодушно посмотрел на наши мотоциклы и отвернулся. Наверное, решил, что иностранцы. С иностранцами дэпээсники<sup>10</sup> общаться не любили.

Они иностранцам:

– Ваши документы?

А те в ответ:

– Do you speak English?<sup>11</sup>

И все, приехали! Потому что ни один полицейский по инглиш – ни в зуб ногой! Да и зачем им инглиш? Дальнобоев<sup>12</sup> трясти по трассе и без инглиша можно.

---

<sup>9</sup> Криворукая машина – машина с правым рулем

<sup>10</sup> Инспекторы дорожно-постовой службы

<sup>11</sup> Вы говорите по-английски? (англ.)

<sup>12</sup> Дальнобой – дальнобойщики, водители большегрузных фур

## Глава вторая

В общем, пронесло! Дорога перед Иркутском пошла – ровный асфальт, и мы разогнались до предела. Меня слегка подкидывало на волнах, да ноги с подножек водой сбивало, когда в лужи попадал. Лужи после вчерашнего ливня остались. Но ни одна машина так и не смогла за нами угнаться.

Перед Иркутском Кроха рассудил, что лучше остановиться у местных байкеров: если что – помогут. На заправке он покопался в своем смартфоне, который казался в его руках спичечным коробком, и вскоре на АЗС, где мы стояли, подъехал затянутый в кожу плотный малый лет тридцати пяти. Смоляная борода была заплетена в две длинные косы, на голове повязана черная бандана с черепами; изрисованная кельтскими узорами, вороная «Ямаха Ройал Стар»<sup>13</sup> блестела обильным хромом.

– Женька! Карабас! – закричал Кроха, едва «Ямаха» остановилась, и сразу же полез обниматься с малым.

– Славка! – завопил Карабас.

Оказалось, что они знают друг друга уже много лет: Карабас не раз приезжал в Питер и останавливался у Крохи.

– Какими судьбами! – кричал Карабас. – Почему не написал, что едете? Я б наших собрал, в бар бы завалились, баню бы истопили, то, се! Вы куда? В Монголию? – они с усердием лупили друг друга по плечам, потом разошлись в стороны.

Карабас, поздоровался со мной за руку.

– Евгений! Карабас! – представился он.

– Алексей! Можно просто – Леха! – кашлянув, сказал я.

Карабас усмехнулся, но промолчал, пошел разглядывать «Абрикоса», Мы с Крохой не удержались и сделали несколько замысловатых па вокруг «Ройал Стар».

– Я вижу, ты прибахлился! – воскликнул наш новый знакомый. – Девятьсот кубов или литр<sup>14</sup>?

– Обижаешь! Тысяча двести<sup>15</sup>!

– По нашим говнам потянет?

– А чего не потянуть, потянет! – небрежно ответил Кроха, разглядывая кожаное сиденье чоппера<sup>16</sup>, украшенное замысловатым рисунком. – Я вижу, ты тоже не на своей старушке «Хонде»? Поменял! Давно?

– Да в прошлом году! На заказ привезли. Тут понимаешь, такая ситуация получилась, заказал я ее у хороших людей на аукционе, а тут пошлины поднялись, – пустился в повествование Карабас, активно размахивая руками.

На нас оглядывались автомобилисты, управлявшие машины на АЗС, даже те, кто проезжал мимо, и те сворачивали шеи, чтобы рассмотреть мотоциклы. Знакомое дело. Мотоциклисты привлекают к себе внимание всегда и везде. Но сейчас нам такое внимание было ни к чему.

Я дернул Кроху за рукав, кашлянул. Кроха опомнился.

– Жень, слушай, тут такое дело! Нам бы перекантоваться... За нами тут вроде погоня. Ночевали вчера в дебрях ваших на заброшке какой-то да наткнулись на местных... Вон, он наткнулся, полез фотографировать какие-то старые казармы, журналист хренов! Че за типы, непонятно, машина – вроде «Тигра», а кто там в этом «Тигре»? То ли вояки, то ли чоповцы

---

<sup>13</sup> Мотоцикл «Yamaha Royal Star»

<sup>14</sup> Литр – тысяча кубических сантиметров. Карабас спрашивает об объеме двигателя

<sup>15</sup> Объем двигателя [KTM Adventure](#) составляет 1190 кубических сантиметров

<sup>16</sup> Чоппер – мощный, хромированный мотоцикл с толстым заднем колесом, рогатым рулем и сиденьем ступенькой.

какие-то. Пару раз шмальнули по нам из автомата и гнались километров, наверное, десять. Мы от них ушли, но не факт, что они это дело так оставят...

«И когда это он все разглядеть успел? – мелькнуло у меня в голове. – Вроде бы и не обращивался ни разу. Гнал вперед как сумасшедший!»

Карабас врубился в ситуацию сразу. Выставил верх указательный палец, мол, тихо! Думаю! Потом отошел в сторонку, вытащил телефон, с кем-то переговорил. Вернулся к нам, махнул рукой.

– Телефоны только выбросите и по ступам! Я вас к Ирландцу отвезу. Там и отдохнете! У Ирландца как раз жена с дитенком в отпуск уехала, так что у него свободно. А телефоны надо было еще на трассе сбросить. Не догадались?

Через полчаса мы остановились на пустынной улице где-то в частном секторе Иркутска перед зелеными металлическими воротами, за которыми виднелась красная крыша из металлочерепицы. За воротами злобно залаяла собака.

Послышались быстрые шаги, потом раздался скрежет замков, и в сторону отъехала одна из створок ворот.

Перед нами оказался невысокий, рыжий, крепко скроенный спортивный парень в спортивном трико и белой футболке. Двигался он быстро и был весь словно на пружинах.

Глянул туда-сюда по улице, мотнул головой.

– Закатывайтесь!

За воротами оказался открытый гараж, в глубине которого стоял дорогой, мощный спортбайк<sup>17</sup> ярко-красного цвета. Справа от гаража между стеной и забором приткнулась спортивная криворукая японская машина. У меня возникло стойкое ощущение, что Тихий океан рядом<sup>18</sup>.

Привязанная у конуры черная с рыжими подпалинами овчарка хрипела от злости.

– Фу! – рыкнул на нее Ирландец. – Фу! Свои, Бархан!

Но Бархану было все равно, и Ирландец сунул ему под нос кулак. Собака понюхала кулак, потом лизнула его и завиляла хвостом.

Через час мы, скидав вещички в комнату с окнами в огород и приняв душ, сидели за столом на небольшой, уютной кухне. В кастрюле на плите варились пельмени, я резал хлеб и колбасу, а Карабас, сгонявший до магазина на своем чоппере, выставлял на стол бутылки с чешским пивом.

– Ночевать здесь будете? – уточнил он, вдруг засомневавшись.

– Если хозяин пустит! – хохотнул Кроха.

Ирландец усмехнулся, помешал половником пельмени, достал тарелки.

– Уже готовы!

Карабас смущенно смотрел на пиво.

– Чего, думаешь, как потом домой поедешь? Такси вызовем. А то тоже тут ночуй, – предложил Ирландец, раскладывая пельмени по тарелкам.

– А я так и сделаю! – оживился Карабас и откупорил бутылку, над горлышком которой появился и исчез легкий дымок.

Кроха откупорил еще три бутылки, Ирландец расставил тарелки с пельменями по столу, раскидал ложки.

– За встречу?

Мы звякнули бутылками, отпили прямо из горлышек, а потом взяли за ложки и дружно заработали челюстями.

---

<sup>17</sup> Спортбайк – мотоцикл, изначально предназначенный для шоссейно-кольцевых гонок. Характеризуется обилием пластика и обтекаемой формой

<sup>18</sup> Главный герой подразумевает, что на Дальнем Востоке много японских машин с правым рулем

– Ну давайте, рассказывайте, что у вас случилось? – спросил наконец Ирландец, когда первый голод был удален, и первые бутылки отправились на пол в углу кухни.

– Давай! – толкнул меня локтем в бок Кроха.

Я рассказал, что произошло на заброшке.

Ирландец сходил в комнату, принес дорожный атлас, раскрыл на страницах с картой Иркутской области.

– Покажи-ка, где это было?

Мы с Крохой едва не столкнулись головами над атласом. Только тут мы вдруг одновременно осознали, что понятия не имеем, где это произошло. Кроха меня уверял, что дело было после отворота на Юрты, а я считал, что мы даже в Иркутскую область еще не заехали. В общем, определить точно, где место ночевки, мы не могли.

Кроха пожал плечами.

– Надо глянуть в навигатор! Во дворе собачка привязана?

Ирландец кивнул. Кроха ушел, вернулся, огорченно посопел, выложил навигатор на стол.

– Не работает, третий клапан на цилиндр! Ну то есть включается... И все! Сгючил.

Прибор пошел по рукам. Каждый считал нужным понажимать на кнопки и лично убедиться, что навигатор сдох.

– Не факт, что сломалось на заброшке, – изрек Ирландец. – Может, еще раньше отказал: дождь, тряска! Но вы же говорите, деревню проезжали. Что за деревня?

Мы переглянулись.

– Да кто его знает! Знака не было, а деревня почти вся справа от трассы была. Там дома, забор, и железка<sup>19</sup> слева от дороги идет.

– Точное описание – крикнул Карабас. – Таких деревень по федералке в том месте десяток. Ну хорошо, – попытался он нас сориентировать. – А пост? Старый гайский<sup>20</sup> пост по левую руку. Он как раз на границе Красноярского края и Иркутской области стоит. Заброшенный. Бетонная такая будка. Редко там полицаи появляются. Разве какой шухер-мухер объявят. Проезжали?

Мы снова переглянулись, враз пожали плечами.

– Дела-а! – протянул Ирландец. – Короче, решим так: ночуйте, а я завтра на работу смогаюсь, все сводки по области и по соседним регионам посмотрю. Если вы точно куда-то залезли, значит, информация появится. А нет – ну так значит, и суда нет.

– Где ты работаешь? – спросил я.

– Где надо, там и работаю! – Ирландец хитро подмигнул, открыл очередную бутылку пива. – Ну что, за Тихий океан?

– За Тихий океан! За сбычу мечт! За дорогу! – поддержали мы и снова сдвинули бутылки.

– Жека, ты куда нас привез? – тихо спросил Кроха Карабаса, когда Ирландец вышел из кухни в туалет. – Он же, по ходу, мент!

– Куда надо, туда и привез! – пробурчал Карабас. – Серега пацан надежный, да и искать вас тут никто не будет. Да и не мент он. Бывший мент. Сейчас у него свой ЧОП.

Кроха поперхнулся пивом, утер тыльной стороной ладони усы и бороду.

– Успокоил!..

Карабас упрямо мотнул головой.

– Полтора года назад у нас тут перестрелка была с местной чептой<sup>21</sup> «Белых Барсов», так вот, он много сделал, чтобы меня из-под суда вытащить.

---

<sup>19</sup> Железная дорога

<sup>20</sup> Пост ГИБДД

<sup>21</sup> В байкерском мире чепта – это отделение, подразделение клуба

– Ты что, порешил там кого?

– Да кого там порешил! Так, зацепили одного, и то сам больше виноват, понтовила. Первый поверх наших голов палить начать. Думал, мы забздим. У нас горячих голов много – ответили.

В этот момент вернулся Ирландец.

– Рассказываешь про драку?

– О! Еще и драка была!

Ирландец усмехнулся.

– Да так, «расчесали» друг друга немножко. Зато теперь: мир, дружба, жвачка!

...За распахнутым окошком солнце катилось к горизонту, трепетала на ветерке листва старой, искореженной морозами сливы, а мы все говорили, говорили... О чем? Да о мотоциклах, конечно! И еще о дороге! Оказывается, Ирландец не однажды ездил во Владивосток, и мог рассказать нам много интересного.

О фотоаппарате я вспомнил тогда, когда все были уже изрядно пьяны. То есть не о самой камере, а о содержимом, которое я отснял на заброшке. Почему до сих пор никто не поинтересовался, что же я там наснимал – загадка!

– У тебя большой дисплей или телевизор есть? – поинтересовался я, прервав очередную горячую речь Ирландца на тему: «А вот у меня был моциль! Всем моцилям моциль!»

– В зале! – бросил он и вернулся к рассказу.

Карабас слушал его с вниманием очень пьяного человека. Наверняка все слышал не в первый раз.

Зато Кроха быстро понял, что я хочу. Он, наверное, был самый трезвый из нас. Пил он чисто символически с того самого момента, как услышал, что Ирландец работал в УВД. О том, как этому факту относится мне, я еще не решил. С виду Ирландец был свой в доску парень, а там – посмотрим.

Я достал кофр с камерой, прошел в зал, где напротив огромного, висевшего на стене экрана в кресле уже удобно устроился Кроха. Включил телевизор, подсоединил к нему фотоаппарат и начал просмотр фотографий, сделанных в дороге.

Сначала пошла череда снимков «Мы у Коляна», «Мы и наши мотоциклы», «Кроха и родные просторы», «Мы и наша палатка», просто просторы, смешные дорожные знаки, дальнобойщики и всякая другая лабуда, которую обычно снимают в дороге. Была пара неплохих пейзажей, которые я отметил совершенно автоматически. Наконец, на экране появился взорванный капонир.

Кроха качнулся вперед, к экрану.

Фотографии заканчивались на живописном коридоре второго этажа казармы. Последняя крупным планом показывала развороченный электрощиток.

– Все! – сказал я, предвкушая реакцию, и она не заставила себя ждать.

Кроха подпрыгнул в кресле.

– Как это! А где эти... Автоматчики? Леха, ты гонишь? Ты что, не успел их отснять?

– Успел! – хмыкнул я и запустил видео, которое я снял из окна казармы.

Кроха затаил дыхание. Я и сам сел на ковер прямо перед телевизором и стал всматриваться в экран. Качество было не очень, все-таки камера не была предназначена для съемок видео, но видно было хорошо. И болванки эти, и мешки, и коротышки в противогазах.

А когда мешок упал на землю, и оттуда рука вывалилась, и мелочевка какая-то из руки на землю посыпалась, Кроха второй раз в кресле подпрыгнул. А потом запись кончилась, и мы услышали голос Ирландца, стоявшего в дверях.

–А теперь еще раз и помедленнее!

Из-за спины Ирландца выглядывала разомлевшая физиономия Карабаса. Я запустил видео по новой. Карабас плюхнулся на диван, Ирландец присел прямо на пол рядом со мной. Взгляд его не отрывался от экрана. Когда видео закончилось, он вырвал у меня пульт от фотоаппарата, начал тыкать в кнопки.

– Ну-ка, ну-ка! Как вернуть? Как обратно перемотать? – бормотал он.

– Куда именно? – спросил я, уже зная, что именно он попросит.

– Да вот на руку эту, и на кругляши!

Я отобрал пульт, вернул запись на самое интересное.

Остановил на руке и на рассыпавшихся «живых» шариках, увеличил, насколько позволяла камера.

Мы замерли, рассматривая изображение. Каждый прикидывал, что это такое может быть. На экране была какая-то фигня, норовившая вот-вот распасться на пиксели: небольшие сероватые шарики в пятнах, у каждого вроде бы поясок светлый и вроде бы даже лапки просматриваются...

В комнате повисла тишина.

– Вы не разыгрываете нас? – спросил Ирландец.

Кроха только фыркнул в ответ. Я отрицательно мотнул головой, посмотрел в глаза Ирландцу. Тот убедился, что взгляд я не отведу, усмехнулся.

Неожиданно с улицы раздался сигнал автомобиля.

– Кого это черти принесли? – недовольно буркнул наш хозяин, поднимаясь с пола.

Вышел на крыльцо. Было слышно, как он переговаривается с кем-то через забор. Потом скрипнула калитка, прозвучали быстрые шаги, и на пороге комнаты возникла довольно пышная блондинка в легкой летней курточке и светлых бриджах. Она оглядела нашу теплую компанию и сразу же все поняла.

– Здравсти!.. – мельком кивнула она нам и остановила взгляд на Карабасе.

– Ну ты чего, Жень? Опять? Ты как потом домой поедешь? Опять разбиться хочешь? — воскликнула она.

Карабас возмущенно воздел руки к небу.

– О, женщины! Ничтожество вам имя! Оксана, я ж сижу, никого не трогаю, починаю, так сказать, примус! Мотик, так сказать, во дворе стоит! Вот, товарищи приехали издалека, делимся, так сказать, опытом дальних поездок, – язык у Карабаса заметно заплетался.

Когда же он успел наклюкаться? Вроде бы выпили по паре бутылок всего. Нет, ну не по паре, конечно! Но не так уж и много!

– Ничего не знаю! Давай в машину, нас на Марата<sup>22</sup> Влад с Ленкой ждут! Ты уж и забыл поди, что у них годовщина? Столик в «Белой лошади» заказан! Сейчас Дюшу завезем к маме и туда рвем. Давай собирайся. «Боливар» своего здесь оставишь!

Из-под руки блондинки вынырнул мальчишка лет шести, бросился к Карабасу. Потом оглянулся на экран.

– О, пап, вы что тут в «Марсианских рейнджеров» играете?

Взгляд Карабаса вдруг прояснился.

– Как ты догадался?!

– Ну вон же дрончики с Марса! – мальчишка ткнул пальцем в плазму.

– Пальцем показывать некрасиво! – одернула его мать, – сколько раз я тебе говорила? Ну что, долго копать будем? – уже нетерпеливо крикнула она Карабасу. – Андрюша, давай в машину! – это предназначалось сыну, который дрессированно соскочил с дивана.

Карабас со стоном встал.

Блондинка, стуча каблучками, уже удалялась с отпрыском по коридору.

---

<sup>22</sup> Марата – улица Марата в Иркутске

– Я покидаю вас, друзья! – патетически воскликнул Карабас, – но помните, вам не справиться без меня с марсианскими... э-э-э... задрончиками! – он несколько раз глубоко вздохнул и вышел.

Мы с Крохой какое-то время продолжали смотреть на экран.

– Дрончики, говоришь? – хмыкнул Кроха. – Ну что ж, дрончики так дрончики.

– Ты бы Леха, скинул мне фоты и видео, – попросил появившийся на пороге Ирландец. – Сейчас ноутбук принесу.

После мы еще немного посидели за столом, а потом Ирландец засобирился куда-то. У меня возникло стойкое ощущение, что на работу. Очень ему не терпелось показать кому-то наш материал.

– Что делать будете? – спросил он.

– Ну, – Кроха оглянулся на меня. – Погуляем? Город посмотрим! Говорят, у вас город старый, есть на что посмотреть!

– Отлично! Вот вам вторая пара ключей! Калитку только заприте!

Назад мы вернулись в сумерках, но стоило нам вывернуть из-за угла, как Кроха произнес свое любимое:

– Третий клапан на цилиндр! – и толкнул меня обратно.

Напротив дома Ирландца стоял тот самый «Тигр». Вояк видно не было, наверняка сидели внутри.

– Как они нас нашли? – удивленно спросил я, но Кроха только плечами пожал.

– Че тут жметесь? – раздался у нас за спиной голос Ирландца.

Мы подпрыгнули от неожиданности. Зашипели на Ирландца, чтобы он был потише.

Иркутянин сразу смекнул, что к чему, осторожно выглянул из-за угла.

– Тот самый?

– А я откуда знаю? – огрызнулся я. – По виду так один-в-один!

Тут Ирландец вдруг руку мне пожал.

– Мне, Леха, жаль, что с тобой все так получилось. Но сам должен понимать: закон есть закон! Да и ты тогда не очень прав был... Хотя понять тебя можно!

Я удивился, но виду не подал. «Пробил» таки меня наш хозяин по базе! Чего-то такого я от него ожидал.

– Ну да... Только закон – не для всех закон!

– А он никогда и не был для всех! – хмыкнул Ирландец. – Так уж жизнь паршиво устроена! Давно оттуда?

– Два года, – признался я.

– Ну ничего! – утешил меня Ирландец, как будто я нуждался в его утешениях. – За битого двух небитых дают!

– Это что получатся, ты нас «пробил»? – заиграл желваками Кроха.

– По номерам, – кивнул Ирландец. – Ты не напрягайся. Зато знаю теперь, что вы за перцы!

– Ну и?..

– Беленькими и пушистенькими вас не назовешь, но и не сволота какая. Верить можно.!

– Угу! – иронично отозвался Кроха. – Думаешь, леща кинул и свой в доску?

– Ниче не думаю! Мототуристов уважаю. Потому и помогу. Держите, я вот вам телефон запасной привез, – иркутянин сунул мне в руку старенькую мобилку. – На первое время сойдет. Давайте за мной!

Он легко и быстро провел нас в коттедж огородами. В дом мы проникли через пристроенный сбоку огромный сарай, дверь из которого выходила на соседский участок.

– Свет не включайте! – скомандовал хозяин жилья.

Кроха сразу направился в туалет: давало о себе знать выпитое пиво, а мы с Ирландцем прошлись по квартире, заглядывая во все комнаты. Никаких признаков вторжения не обнаружилось.

Поднялись в мансарду. Мансарда оказалась просторной, светлой комнатой с высоким потолком. Стены увешаны фотографиями местных ребят, плакатами, картами и сувенирами из дальних поездок: фляжками, банданами, какими-то туземными бусами. Даже хромированный кардан от «Урала» там был! Судя по всему, это было главное место посиделок.

Откуда не возьмись, в руках хозяина появилась небольшая подозрительная труба, и он, устроившись за шторами, направил ее в сторону «Тигра». Я тоже выглянул на улицу в щель между шторами.

В сгущающихся сумерках силуэт «Тигра» выглядел жутковато. Казалось, автомобиль мог стоять тут вечно.

Ирландец вытащил телефон и позвонил.

– Тимофей, привет! Это Александров! На дежурстве? Будь ласков, пробей по базе федеральный номерок. Можешь? Диктую: Марина, шестьсот девяносто четыре, Иван, Анна. Ага. Восемьдесят четвертый регион.

– Сергей, а инфы по нашему происшествию есть? – тихо спросил я, продолжая смотреть вниз.

– Пока тихо, – Ирландец притащил к окну пуфик, устроился на нем, не сводя глаз с автомобиля. – Я даже у вояк знакомых поспрашал, никто ни ухом, ни нюхом. Может, завтра с утра что появится. Раз эти чудики здесь, значит, реально залезли вы, ребята, куда-то, или Кроха грохнул серого.

– Никого я не грохнул! – пробасил появившийся в дверях Кроха, – ударил... легонько! Мне что, ждать надо было, когда они нас с автоматов кончат? – питерцу пришлось наклониться, чтобы войти в мансарду.

Заскрипели половицы. Кроха подошел к окну, посмотрел между штор, хмыкнул.

– Вот ведь... третий клапан на цилиндр!

Потом, согнувшись, отправился в полутьме рассматривать фотографии.

Завибрировал телефон, который Ирландец ни на минуту не выпускал и рук.

– Да! – негромко сказал он, приняв звонок. Помолчал, потом обернулся к нам.

– Эта серия номеров принадлежит федеральному агентству мониторинга окружающей среды.

– Кому? – спросил я.

– Фиг пойми кому! – сформулировал Кроха. – И занимаются, поди, фиг пойми чем! Опять бабло пилят.

– Наверняка! – Ирландец снова посмотрел в подозрительную трубу.

– Тут ведь вот еще какая засада! – обернулся к нам Кроха. – Как они нас нашли?

– Может, проследили мой запрос? – пораженный Ирландец даже рот приоткрыл от такого предположения.

Кроха распрямился, стукнувшись макушкой о потолок. Схватился за голову, тихо выругался.

– Надо бы мотоциклы осмотреть! На счет маячков.

Мы наперегонки понеслись в гараж, благо в него можно было попасть прямо из дома. Буквально на коленках с помощью фонарей осмотрели мотоциклы: сиденья, шины, пластик, осмотрели одежду – ничего. Кроха сгоряча стал снимать со своего «Абрикоса» облицовку. Я остановил его.

– погоди, Слав! Сумка! Моя сумка! С разбитой бутылкой «Баккарди»!

Когда я снимал сумку с мотоцикла, то просто достал пакет с разбитой бутылкой и осторожно выбросил его в ведро тут же, в гараже. Пакет был изрезан осколками стекла, так что это был тот еще фокус! В самой сумке точно ничего не было, потому что вымокшие в дороге роме вещи я осмотрел и закинул в хозяйскую стиральную машинку – простирнуть.

– Где же ведро?!

Ведро нашлось в углу, я вытащил пакет, опустил его на пол и раскрыл. В нос ударил запах алкоголя. В уцелевшем доньшке маслянисто блестели остатки «Золотого баккарди», а в этих остатках что-то довольно юрко плавало. Что-то круглое, с небольшими суставчатыми лапками...

В тот миг, когда на непонятный предмет упал луч света, потрясающим и невероятным образом эти лапки скрутились в некое подобие двух жгутиков-винтов и «дрончик» взмыл в воздух! Я отшатнулся в сторону.

На уроне моего лица, шарик замер, а потом засветился. Кроха, словно загипнотизированный, протянул руку, чтобы взять его. Казалось, ничего страшного не произойдет, ведь эта смешная «бусина» такая маленькая и такая... необычная!

Но острый луч света ударил из шара прямо в грудь питерцу! И было бы на свете одним байкером меньше, если бы не Ирландец. За мгновение до этого, он вдруг заорал, как сумасшедший, и сбил Кроху с ног! Как он это проделал, не знаю, весу в Ирландце было не намного больше, чем во мне. Не иначе, прием применил.

Фонари отлетели в сторону, стало темно. «Бусина» вдруг разразилась чередой ярких, абсолютно бесшумных вспышек, которые больше всего напоминали стрельбу из лазера!

Я бросился на пол. Запахло озоном и жженым пластиком. У задней стены гаража на пол рухнуло что-то тяжелое.

– Ну зараза, если ты мне мотоцикл повредишь! – вдруг взвыл Кроха и метнулся на четвереньках куда-то в темноту.

В следующий момент он вновь оказался рядом, в руке у него был огромный металлический совок!

Он махнул совком, стараясь ударить по висящей в воздухе штуковине, но это не возымело должного действия! «Дрончик» остался висеть в воздухе, а в полотне совка появилось аккуратное отверстие, края которого светились от температуры.

– Третий клапан на цилиндр! – ахнул Кроха и махнул еще раз с таким же результатом.

Я уже было собрался тихой сапой пробираться к выходу, потому что никак в мой жизненный план не входило быть разрезанным на кусочки непонятным летающим предметом: то ли плодом изобретений пресловутой «Лаборатории Икс», то ли «подарочком» внеземных технологий, как вдруг рядом раздался вопль Ирландца.

– А попробуй-ка вот этого, сучара! – рявкнул он.

Грохнул выстрел. Завоняло порохом. Я обернулся. Сметенный зарядом картечи непонятный объект валялся у металлической двери гаража. Он еще мигал, но всем стало ясно, что он поврежден.

Ирландец перешагнул через меня, прошел до двери и, не глядя, растер его каблуком. В тишине отчетливо послышался неприятный хруст.

Я в первый раз за многие месяцы почувствовал, что задыхаюсь. Нашупал в кармане баллончик с сальбутамолом, вытащил его, взболтал и вдохнул порцию лекарства. Ощутил на языке горьковатый вкус лекарства.

Кроха нашарил на полу фонарь, осветил, склонился над размазанным по полу шариком.

– Кучно пошла! – нервно хохотнул наш хозяин, ковырнув пальцем следы на штукатурке.

Я тоже поднялся на ноги, подошел ближе. Похоже, наш «дрончик» был не совсем механизмом. На полу шевелилось что-то вполне живое. Кроха хмыкнул и в свою очередь растоптал то, что осталось от «бусины». Теперь на полу было только мокрое пятно.

Со стороны улицы не донеслось ни звука.

– Соседи полицию не вызовут? – поинтересовался Кроха.

– Не должны, – Ирландец опустил дробовик.

Дальше скрываться смысла не было, и он хотел включить верхний свет, но не тут-то было. Бесплезно пощелкав выключателем, Ирландец с фонарем осмотрел гараж. По счастливой случайности мотоциклы остались целыми, пострадала лишь деревянная полка с инструментами: ее наискосок разрезало надвое, и половины разошлись, обрушив на пол инструменты. Наполам разрезало висевшую на гвозде грязную гаражную робу, перерезало проводку да на стенах виднелись глубокие следы.

– Мать честная! Это ж... хрень какая-то!

И тут я вспомнил про аптечки! Хлопнул по лбу рукой, полез в нагрудный карман, достал одну из них. Скорее всего, маячка там не было, потому что вояки вычислили дом Ирландца, а не нас.

– Вот я так и знал, что вы сперли там что-то! – хмыкнул Ирландец.

– Это что за хрень? —спросил Кроха, ткнув пальцем в белый пенал. – Ну точно! Наверняка наркота! Вот они нас и пасут.

Я положил аптечку на верстак, аккуратно открыл. Точно посередине коробочки находился один-единственный пенал белого цвета. Я вынул его из углубления, но сразу открыть не смог.

– Дай сюда! – нетерпеливо прошипел над ухом Ирландец, но я отмахнулся.

Наконец я нащупал крохотную кнопку на торце пенала, нажал.

В руках зашипело, и я едва не выронил пенал на пол, а потом он раскрылся, и на ладонь выкатились гладкие, серые горошины, очень похожие на ту, которую мои друзья с таким остервенением только что растерли по полу! Только меньше.

– Шесть штук, – посчитал я.

– Короче, такая же фигня, как и та, – Кроха кивнул на мокрое пятно на полу.

– Не, – отрицательно покачал головой Ирландец. – Эти меньше и вроде бы другие... – Ирландец поставил фонарь на сиденье «Ямахи», торопливо закурил. Руки у него подрагивали. В полумраке гаража было хорошо видно, как у него трясутся руки – огонек сигареты так и прыгал!

– Короче, делаем так!..

Через полчаса мы, нисколько не скрываясь, распахнули гаражные ворота и вывели навьюченные мотоциклы

– Смотрите в оба! – напутствовал он нас. – Я гнать не буду, успеете. Главное – не отставайте!

Легко сказать! Попробуй на шестисотке<sup>23</sup> угнаться за литровой «Ямахой R1» да еще после возлияний! Но деваться было некуда.

– Попробуем!..

Буквально через пять минут улица огласилась ревом мотоциклов. Из-за забора было не видно, но мне показалось, что не менее двадцати «железных коней» подъехали к дому Ирландца. Где-то со стуком захлопнулось окно. На улице раздались девичьи взвизги, чей-то гогот. Мы завели мотоциклы, Ирландец отодвинул шпингалеты ворот. Одна из створок сразу же подалась наружу, и в щель просунулась голова Карабаса.

– Готовы? – при свете фонаря над гаражом было видно, что он улыбается.

Ирландец бросил ему ключи от дома.

– Ворота закроешь. Ну, с Богом!

---

<sup>23</sup> Главный герой имеет ввиду, что в двигателе его мотоцикла всего шестьсот кубических сантиметров

Карабас поймал ключи, дождался, когда хозяин дома сядет на свой «R1» и быстро распахнул створку ворот.

Сначала Кроха, потом я, а за мной Ирландец выехали со двора.

На улице нас ждала странная картина: для нас путь был свободен, но не менее десяти дорогих, пузатых чопперов и «Голд Вингов»<sup>24</sup> окружили «Тигр», полностью заблокировав его. В свете уличных фонарей было видно, как из вездехода, приоткрыв дверцу, пытался кто-то выйти, но это было невозможно: слишком узкая щель не позволяла рослым воякам протиснуться наружу. Послышался взрыв хохота.

Водитель сделал попытку сунуть в лицо мотоциклистам «Калашников», но не менее пяти стволов появились в руках иркутян в ответ на этот недружелюбный жест. Вояка выматерился, ствол исчез, стекло закрылось.

Что было дальше, я не видел, потому что мимо меня жиганул Ирландец, и я был вынужден поддать газу, чтобы поспеть за его ярко-красной, расчерченной белыми молниями курткой.

Тут же пришлось тормозить, потому что следующая улица была главной. Но Ирландец тормозить не стал. Непрерывно сигналил, он вылетел со второстепенной, повернул направо и со свистом ушел вперед, изящно лавируя между машинами.

Мы с Крохой на своих увешанных сумками и кофрами кониках рванули следом.

Гонка по ночному городу была, несомненно, упоительна. Для Ирландца. Я только и успевал, что «считывать» знаки, смотреть под колеса, чтобы не налететь на выпирающий канализационный колодец и не провалиться в яму, и уворачивался от машин.

Вскоре мы выехали на неширокую улицу с четырехполосным движением, стало попроще. Промчались по кольцу, свернули в сторону и буквально через пять минут городские дома остались позади, на дорогу опустилась непроглядная ночь, фара мотоцикла освещала идеально ровную дорогу со свежей, четкой разметкой.

Шоссе нырнуло с горы вниз, меня обдало промозглой сыростью, а потом мы снова въехали на гору, и стало теплее. Такое повторялось снова и снова. Потом шоссе выровнялось, и идущий первым Ирландец включил поворотник. Мы остановились на обочине, спешили. Ирландец приоткрыл стекло шлема.

– Сейчас будет пост! – объявил он нам. – Ничего не бойтесь, говорить буду я. Посмотрю, может, знакомые будут.

Но нам повезло: окошко на полицейском посту светилось, но к дороге никто не вышел.

Мы ехали и ехали куда-то в темноту. Дорога по-прежнему то и дело спускалась вниз, потом поворачивала вправо и поднималась в гору, сквозь деревья светились огни то ли деревенек, то ли пригородных коттеджей. Стало очень холодно и сыро.

Наконец, Ирландец притормозил и свернул с шоссе на проселок, во тьму. Вскоре мы оказались перед большими деревянными воротами. Ирландец посигналил. Ждать пришлось довольно долго, но потом за воротами раздались шаги, створка ворот неторопливо поехала в сторону.

– Привет, Дугар! – крикнул Ирландец в темноту и въехал в ворота.

Мы последовали за ним.

Проехали к крыльцу, над которым горел фонарь, заглушили мотоциклы, подождали хозяина. Со стороны ворот к нам подошел немолодой бурят в темной куртке, улыбнулся Ирландцу, взмахнул рукой.

– Салют!

---

<sup>24</sup> Мотоцикл «Honda Gold Wing»

– Доброй ночи, Дугар! – вздохнул Ирландец. – Будь другом, – перекантоваться надо! И мне, и вот им, – он кивнул на нас.

Бурят несколько секунд размышлял, глядя на нас, потом пришел к какому-то решению, согласно мотнул головой.

– Давайте в дальний домик. Тот, у залива. Мотики под навес поставите. За мной езжайте! – и он снова ушел от освещенного крыльца в темноту.

Мы развернули мотоциклы на маленьком пятачке возле крыльца, покатали куда-то в лес по узкой тропинке. Мотоцикл то и дело прыгал по камням и корням деревьев. Наконец, фары осветили деревянный старый дом с большим навесом, пристроенным с одной стороны.

Дугар открыл дверь ключом, зашел внутрь, включил освещение, и над крыльцом загорелся фонарь. Бурят появился на крыльце, протянул ключ Ирландцу.

– Белье в шкафу. Душ если надо – заранее включайте, чтобы нагрелось. Если водка нужна там или еще че, – это ко мне. Ну да ты сам все знаешь! – и Дугар все так же неторопливо ушел во тьму.

– Он что, в темноте видит? – почему-то шепотом спросил я.

– А кто его знает, – ухмыльнулся довольный Ирландец, – может, и видит! Все, ребяташки! Хотели на Байкал посмотреть или не хотели, теперь деваться некуда – посмóтрите.

– Погоди, – остановил Кроха нашего нового друга, – Я думал, ты нас на федеральную трассу выведешь! А ты нас куда привел?

Ирландец косо глянул на руку Крохи, легшую ему на плечо, но на питерца это не произвело ровно никакого впечатления.

– Если, ребята, вы куда-то влипли, вас на трассе найти – пять минут делов! Пост гаишников на въезде в Слюдянку, потом – в Улан-Удэ и так далее. Тут вам не центральная Россия, где дорога на дороге. Тут трасса одна-единственная до самого Владика. Переночуйте, с утра все будет ясно. – Ирландец принялся отстегивать от мотоцикла сумку.

Отстегнул, взвалил на плечо, поднялся на крыльцо, обернулся.

– И потом, неужели вы думаете, что мне неинтересно узнать, что это за фигня такая мне стены гаража располосовала? – наш новый друг скрылся за дверью.

– Третий клапан на цилиндр, – задумчиво сказал Кроха, глядя ему вслед. – Выбора у нас, похоже, нет.

– До утра перекантуемся, а там видно будет, – дипломатично предложил я.

Мы повернулись каждый к своему мотоциклу и стали – уже во второй раз! – развьючивать наших коников.

...Спустя три дня мы с Крохой сидели на причале на заливе Иркутского моря<sup>25</sup> и удили рыбу. Вернее, этим занимался Кроха, я просто сидел рядом, смотрел, как он это делает, и листал найденную в доме книжку. Она называлась «Геофизические методы поисков и разведки».

Уже который раз мои глаза пробежали по строчкам: «По оценке разных исследователей среднее содержание урана в земной коре составляет от 1,8 до 3,6 граммов на тонну, тория – от 7,2 до 13 г/т, калия – от 1,6 до 2, 5%. В качестве кларковых концентраций принимают данные А. П. Виноградова...» Далее шли непонятные цифры.

Меня с толку сбивало слово «кларк». Что это такое, я не знал. Зато был осведомлен о неких кварках, которые представляли собой не что иное, как фундаментальные частицы мироздания, не имеющие собственной структуры. Это с лекций по физике в мединституте остались какие-то обрывки. Наконец, я не выдержал, включил телефон, который нам оставил Ирландец, зашел в Интернет и забил эти злосчастные кларки в поисковую строку. Оказалось,

---

<sup>25</sup> Иркутским морем местные жители называют Иркутское водохранилище, образованное ГЭС

что это постоянная распространенности вещества в литосфере или любой другой массе, выраженная в процентах или других единицах.

– Надо же!

Пока мы бездельничали на турбазе, Ирландец то и дело уезжал в Иркутск по делам, он куда-то увез злополучную аптечку «на экспертизу». Вторую я на свой страх и риск оставил себе, хотя и спрятал подальше. Ирландец припер с собой из города дозиметр, и мы даже измерили радиацию возле пенала – мало ли что? – но фон был в норме: 14 микрорентген в час.

Самое время было убраться отсюда восвояси, но что-то все время удерживало. Первый день мы чинили и обслуживали мотоциклы, меняли шины на более зубастые, у меня неожиданно начались неполадки с электрикой, так что пришлось искать причину неисправности и устранять ее. Оказалось, просто закис один из контактов.

На второй день мы на катере Дугара поехали в Листвянку<sup>26</sup>, которая была всего километрах в сорока от нас, ну и там зависли на весь день: экскурсия на катере до острова Ольхон, – пока туда, пока обратно, – покупка сувениров, посиделки в местном кафе, опять же омуль... На турбазу мы вернулись, когда стемнело, – сытые, довольные и нос в табаке.

А ночью я в первый раз понял, что такое землетрясение! Я не спал, лежал на своей койке и глядел в темноту, размышляя о нашем путешествии.

И тут качнуло!

А потом еще и еще раз! Дом заходил ходуном, все заскрипело, словно жильё было сложено не из лиственничных бревен, а из прутьев, как домик Ниф-нифа. У сторожки Дугара завyla собака. Вой подхватили волки, которых хозяева турбазы держали в клетках посередине огромной территории.

Мы с Крохой, не сговариваясь, вывалились на крыльцо, в ледяную ночь.

Снаружи было тихо, если не считать вой животных. Никто не включал свет, не выскакивал наружу полуголым и не метался по полянам. Здешние жители, видимо, привыкли к такому.

– Может, мотоциклы надо из-под навеса вывести? – нерешительно предложил я. – Вдруг завалит?

Мы постояли еще. Толчки прекратились, новых не было. Вслед за нами на крыльцо лениво выполз Ирландец.

– Идите спать, москвичи! – назидательно произнес он. – Если что случится, так не здесь, а в городе.

– Это сильное землетрясение? – спросил я.

– Не знаю, – равнодушно ответил иркутянин, – баллов пять-шесть. Да идите спать, холодно на фиг! У нас в эпицентрах до десяти бывает, как видите, никого еще не завалило.

Сегодня Ирландец велел всяко-разно дожидаться его. Что-то там у него должно было сегодня решиться, а что именно, он не говорил, и это нервировало Кроху. Тот себе места не находил с того самого момента, как иркутянин уехал в город. Только к вечеру немного расслабился, взял у Дугара удочку и теперь сидел на причале, задумчиво глядя на поплавок.

– Брось читать лабуду, все равно ничего в ней не смыслишь! – сказал он, отвлекая меня от «Геофизических методов...». – Лучше расскажи, как так получилось, что ты подсел?

– Да так, – буркнул я, глядя в воду, – ударил одного, а он возьми да и помри по дороге в больницу.

Тут поплавок дернулся, а потом исчез с поверхности воды. Но Кроха на него внимания обратил, замер на несколько секунд, а потом ко мне повернулся, и лицо у него было изумленное.

– Леха! – только и смог сказать он. – Это же ты! Леха! Алексей Кириллов! – он надолго замолчал.

---

<sup>26</sup> Листвянка – село на берегу Байкала, туристическая мекка

– А я даже и подумать не мог, – произнес он минуту спустя. И голос у него был странным, – что ты – это ты... Удивительно... Столько раз твою фотографию видел в газетах и в блогах, и по телеку тебя показывали, а увидел и не узнал.

– Время меняет людей, – утешительно сказал я, хотя чего его было утешать?

– Сколько отсидел?

– Два.

– А дали?

– Так и дали. Да ладно, все могло быть намного хуже, учитывая кого порешил. ...А так – убийство по неосторожности.

– А родители?

– Умерли. Мама еще раньше, а отец – пока в СИЗО чалился. Инфаркт. Вернулся – там уже долгов за квартиру накопилось. Ладно, соседи хорошие, смотрели за хатой, а то вернулся бы – а там другие люди живут.

Поплавок вынырнул из воды и снова, как ни в чем не бывало, закачался на месте.

– А... девушка? Не обзавелся? – нерешительно спросил Кроха, и тут я сообразил, что до сих пор мы на тему личной жизни как-то и не разговаривали особо.

– У тебя рыба всю начинку объела! – сказал я вместо ответа.

Кроха вытащил из воды снасть, печально оглядел крючок, вздохнул.

По доскам причала застучали башмаки, мы обернулись. К нам торопился Ирландец, за ним еле поспевал Карабас.

– Здорово! – крикнул спортбайкер. Рыжая шевелюра горела на солнце, как огонь. – Смотрите, кого я привел!

– Привет, мужики! – воскликнул Карабас. – Клюет?

Кроха кивнул на пакет с блестящей тушкой небольшого ленка.

– Короче, парни, все ништяк! – воскликнул Ирландец и взъерошил волосы. – Вы чисты перед законом, как... – тут он запнулся, подыскивая нужно словцо.

– Как девственницы! – довольно хрюкнул сзади Карабас.

– Короче, белые и пушистые. Ни у каких ведомств к вам претензий нет. Так что отдыхаем по полной! И что у нас в планах? – осведомился он у меня.

– Тогда чего ты нас тут три дня продержал? – насупился Кроха.

– На всякий случай! – уклончиво ответил иркутянин. – А вдруг вы в самом деле кого-то грохнули?

– Перестраховался значит?

– Ну типо того, – кивнул Ирландец. – Да ты не серчай, Слав, все ж нормально! Ольхон посмотрели, рыбу вон удите. Сейчас шашлыки будут! Я вот вас спрашиваю, планы-то у вас какие?

– Выпить? – усмехнулся я.

– Не, – опять махнул рукой Ирландец. – Это ясно-понятно! Я о глобальном. Предлагаю завтра махнуть до Листвянки, оттуда переправиться с мотиками в порт Байкал и проехать восемьдесят километров по Кругобайкальской железной дороге. Во будет приключение! Обещаю! – он поднял вверх большой палец.

Кроха неторопливо сматывал удочку.

– А внедорожник этот?

– А внедорожник этот левый какой-то. – хмыкнул Ирландец, – В общем, у федерального агентства такой тоже есть, но только он у них прямо сейчас по Тюмени бегаёт. А этот с тех пор и не появлялся у моего дома. Как в тот вечер отъехал, так и не видели его. Видать, убрались отсюда подобра-поздорову. Я кому надо о них сказал. Люди займутся.

Мы пошли в домик по покрытой слоем хвои утоптанной дорожке, но я и никак не понимал, почему тревога, которая, по идее, должна была меня оставить, никуда не исчезла, и по-прежнему сосет под ложечкой? Объяснить я это не мог, а значит, пока не следовало доставать этим остальных. Зачем отдых портить?

– Так вы что, с нами собрались? – вдруг осенило меня.

– А как же! – Ирландец хлопнул меня по плечу. – Вон видишь, Женька по такому случаю даже косуху снял!

Я только сейчас обратил внимание, что Карабас одет в черную походную куртку из кордура<sup>27</sup>.

– Трудновато будет на таких мотоциклах, как у вас, – осторожно сказал я.

– Обижаешь, начальник! – рассмеялся Карабас. – Я на «Тенере» приехал – мотоцикл хоть и старый, но проверенный, а Ирландец вообще самый хитрый из нас – у него «Suzuki DR», ему проще всего будет: мотоцикл легкий. Мы мотики у Дугара оставили.

– А чего жена скажет? – хитро скосил на него глаза Кроха.

Он, кажется, тоже повеселел.

– Ниче не скажет, – хмыкнул Карабас, – улетела вместе с сыном в Турцию. Вчера провожал. Я, может, до Улан-Удэ с вами прокачусь, давно у ребят не был.

Уже в темноте мы жарили шашлыки на поляне возле дома и пили «Джек Дениэльс», который привез с собой Карабас. Запах мяса, жареного на углях, смешивался с запахом хвои, сосновой смолы, прелой земли, папоротника и трав. Было прохладно, но зато почти не доставали комары.

Не могу сказать, что на душе было легко. Слишком просто все закончилось. Я то и дело вспоминал хруст стеклышка противогаса под кулаком Крохи и то, как серый свалился на землю. Упал он так, как падает человек либо уже умерший, либо надолго потерявший сознание. И поэтому я не разделял радости друзей по поводу избавления от преследователей. Где-то внутри зрела уверенность, что еще ничего не закончилось, расслабляться рано. Ухо надо парусом держать.

Голова от выпитого слегка кружилась, и я отошел в сторонку и лег на скамейку, которую мы вытащили из-под навеса на поляну.

– Понимаешь, Кругобайкальская железная дорога, это же всем дорогам дорога! – рассказывал у костра Карабас Крохе. – Там итальянские инженеры работали – уникальные сооружения оставили: и мосты, и тоннели, и подпорные стенки... Ты где учился? А я наш политех окончил, и для меня это много значит. Да ты сам все увидишь! – было очевидно, что он сел на своего любимого конька и теперь мог говорить долго.

Кроха с уважением слушал, разомлев от виски и отличного шашлыка.

Надо мной висели огромные, просто какие-то неправдоподобные звезды. Луна еще пряталась за сопкой, и поэтому видно было отлично. Я несколько раз глубоко вздохнул. Дышалось здесь все-таки на удивление легко, и я вдруг понадеялся, что приступов астмы у меня больше не будет.

Темный небосклон прочертила яркая вспышка. Метеорит! Я замер, вглядываясь в небо и стараясь обхватить взором как можно больше пространства, чтобы не упустить ничего. И точно: не прошло и пары минут, как по небу – на этот раз слабее – чиркнула еще одна звезда, а потом, уже более длительно и ярко, – еще одна. Словно неведомый огромный курильщик где-то там, во тьме, хотел прикурить и все чиркал и чиркал о коробок спичкой...

– Ты чего там? – окликнул меня Ирландец, подойдя поближе

– Да вот, смотрю, звезды падают, – ответил я.

---

<sup>27</sup> Кордур – плотный материал, из которого шьют рюкзаки, сумки и экипировку

Ирландец задрал голову, какое-то время постоял, глядя вверх, а потом обернулся к остальным.

– Эй, народ! Совсем забыл! Сегодня же передавали, что звездопад будет. То ли леониды<sup>28</sup> какие-то падают будут, то ли какие-то гоминиды<sup>29</sup>, блин, забыл напроочь, как называется. Короче, метеоритный дождь! Тащите коврики.

Через пять минут все, сопя, расположились вокруг меня, кто где. Несколько минут все молчали.

– Не понял я, где твои эти гомики? – первый не выдержал Карабас.

– Да тихо ты, – попросил Ирландец. – Гоминиды, а не гомики. Смотри лучше!

И мы смотрели. Еще несколько минут ничего не происходило, а потом вдруг словно кто-то метнул на черный бархат игрального стола горсть алмазов. Метеориты сгорали в атмосфере абсолютно беззвучно, и от этой мимолетной красоты на душе становилось печально.

– Красиво, – сказал рядом Ирландец. – Все загадали желание? Загадали? – переспросил он, потому что никто не отвечал.

– Загадали, чего там, – ответил я за всех.

Я думал о невозможном. О том, чтобы все было, как прежде, до той страшной аварии, чтобы я и Ирка по-прежнему были рядом. Чтобы она была жива...

Рядом раздался громкий храп – это храпел вырубившийся Карабас. Кроха ругнулся, встал, взял коврик и пошел к костру. Мы с Ирландцем еще какое-то время смотрели в небо. Напоследок небосвод порадовал нас совсем уже необычным зрелищем – звезды падали медленно, вертикально снижаясь над примолкшей ночной тайгой, и гасли уже над самыми верхушками сосен.

– Серый! – тихонько позвал я.

– Чего? – отзывался он.

– А что там... с экспертизой?

– Не знаю я, – немного погодя ответил он. – Друг у меня в отпуск уехал. Как вернется – сделает.

– А когда вернется?

– На днях.

А потом небо заволочло облаками, и мы, разбудив Карабаса, похватали пожитки и пошли в дом. Если мы хотели завтра пораньше выехать, надо было ложиться спать.

Следующий день был, наверное, одним из самых лучших дней за все путешествие. Встали мы довольно поздно, пока собрались, пока поели, пока выехали – был уже обед.

В Ливинке друзья меня слегка удивили. Мы с Крохой остановились, не доезжая до пристани, подождать приотставших товарищей, как вдруг рядом с нами затормозила старенькая, криворукая, белая «Тойота». Из «Тойоты» выглянул молодой бородатый священник.

– Иностранцы? – спросил он. – Нет? Ну хорошо! А то там, на причале, полиция! Иностранцев они обычно достают с регистрацией! Но вам бояться нечего! – он хотел было нажать на газ, но тут к нему склонился Кроха.

– Благословите, батюшка, на долгое путешествие!

Батюшка, который вряд ли был старше Крохи, не сморгнув глазом, благословил рослого питерца.

– Как зовут? Ярослав? Ну ангела-хранителя тебе в дорогу раб Божий Ярослав!

---

<sup>28</sup> Ирландец путает – метеорный поток Леониды можно наблюдать в ноябре

<sup>29</sup> Ирландец снова ошибается. Метеорный поток называется Геминиды, и его можно наблюдать в декабре. Летом же на небе можно видеть метеорный поток Персеиды

Тут подъехали Карабас с Ирландцем, и тоже полезли к священнику – обниматься и благословляться. Оказалось, они его прекрасно знают.

– Да вы что, все верующие? – спросил я, когда мы уже грузились на паром.

– А как же! – басом ответил Карабас.

Я фыркнул.

Ирландец бросил на меня косою взгляд через плечо.

– Что, думаешь, предки наши тыщу лет дураками были? За эту тыщу лет они построили самую большую страну в мире! Русский – значит православный! Понял?

Ссориться с друзьями в мои планы не входило.

– Понял, – согласно кивнул я. – Не дурак!

А дальше, на пароме, был ледяной ветер со стороны Байкала, ослепительное солнце и такая же ослепительная, сверкающая, синяя вода. Зеленые сопки по краям истока Ангары стояли словно игрушечные, в воздухе парили чайки, а по синему-синему небу со стороны Иркутска медленно ползли серо-белые облака. За бесконечной гладью воды виднелись голубые горы, слева навстречу парому приближался порт с живописными старыми домами.

– Здорово! – пробормотал Кроха, который тоже смотрел вокруг во все глаза.

– Да! – крикнул рядом Карабас. – Байкал, че! Но у вас же тоже красивые места есть. Карелия там, Валдай, море опять же рядом! Белое!

– Вообще-то у нас Балитка рядом...

На пристани мы по металлическим скользким сходням выкатились на берег, неторопливо поехали вдоль деревянных домов и через пять минут оказались на Кругобайкальской железной дороге.

Это был какой-то необыкновенно длинный день. День, наполненный солнцем, ослепительными бликами прозрачной сине-зеленой байкальской воды, шумом ветра в кронах сосен, запахом нагретых солнцем шпал, камня, смолы и бензина. Железная дорога была зажата между озером и склоном горы. В озеро впадали ручьи, большие и малые речки, по берегам которых стояли деревеньки в несколько домов.

Там, где берег Байкала становился непроходимым, железная дорога ныряла в тоннели. Тоннели были разными – длинными и короткими. Здесь были даже пешеходные тоннели, заброшенные тоннели. На нагретом солнцем берегу было солнечно и жарко, а в тоннелях – темно, прохладно и сыро. Мы ехали вдоль железной дороги по тропинке и то и дело останавливались. Больше всего хлопот нам доставляли железнодорожные мосты. Никто ведь и не думал, что здесь, кроме поездов и пешеходов могут ездить мотоциклисты.

Мы никуда не торопились, фотографировались на фоне Байкала, на фоне подпорных стенок, мостов и самих тоннелей, то и дело пили пиво из стеклянных пол-литровых бутылок, которые оказались в сумках у Ирландца. Кажется, ничего, кроме пива, у него с собой и не было.

Сначала туристов было довольно много, но уже через десять километров берег опустел и только иногда внизу, ближе к воде, мы видели стоящую палатку с обустроенным бивуаком.

Девчонок этих мы увидели после деревеньки Шумиха. Обратили мы на них внимание только потому, что они, вместо того чтобы уступить нам дорогу, бросились наперерез, размахивая руками.

– Мальчишки, привет! – крикнула первая – высокая белобрысая дылда с длинным конским хвостом. Одета она была в голубую олимпийку и светлые, короткие шорты. Ноги у нее были просто какой-то головокружительной длины. За плечами висел увесистый рюкзак, к которому был приторочен красный шлем-«чепчик»<sup>30</sup>. Наверняка скалолазки!

---

<sup>30</sup> Шлем по форме головы, без козырька

– Отвезите до Половинной! Не успеваем!

– Куда-то торопитесь? – спросил Кроха.

Он ехал первым. Остановился, поднял «челюсть» шлема-модуляра<sup>31</sup>. Я шел следом и тоже затормозил, поставил ногу на рельсу. Тропинка шла рядом с путями.

– Да, ребята, до Половинной надо срочно! Нас там ждут! – раздался рядом голос второй девушки.

Голос был чувственный, с хрипотцой.

Я обернулся и едва не уронил мотоцикл. Наверное, все мои чувства были написаны у меня на лице, потому что обладательница голоса рассмеялась.

У нее были синие глаза, темные волосы и веснушки, рассыпанные по небольшому, аккуратному носику и щечкам. Лет двадцать – двадцать два, не больше. Одета она была в штормовку защитного цвета, ярко-синий, под цвет глаз, топик, открывающий загорелый животик, пупок был проколот, и в его впадинке поблескивала голубая стекляшка. Ниже шли обтягивающие голубые джинсы до колена. Белые парусиновые тапочки-кеды плотно облегли продолговатую маленькую ступню. За спиной висел рюкзак.

– Если мужья ждут, – усмехнулся Кроха, взглядом оценивая светловолосую дылда, – то топтать до них вам придется пешком!

– Ребята, честно, очень-очень надо! – снова попросила дылда. Она стояла рядом с Крохой, упрямо глядела ему прямо в глаза. – Нас дрезина ждет, на скальники едем! А не успеем, придется пешком топтать, да и маршрут не знаем, можем от группы отстать. Да мы и так уже отстали... – голос у девушки упал.

– В чем проблема, девчонки? – крикнул подъехавший Ирландец.

– Да вот, – объяснил я, – девушкам мототакси понадобилось!

– А что! – ответил Ирландец, взглядом ошупывая фигуру синеглазой. – Прекрасным леди не то, что мототакси, себя отдать готов! – он встретился с девушкой глазами, усмехнулся, в его глазах мелькнуло что-то нехорошее. – Садись ко мне! – он кивнул на заднее сидение своего «Сузуки».

Заднее сиденье его мотоцикла было действительно свободно. У Карабаса к заднему сиденью был привязан рюкзак, у меня через седло была перекинута велосипедная сумка. Вообще-то девушку можно было посадить сверху сумки. Краем глаза я увидел, как дылда садиться на заднее сиденье «Абрикоса» Крохи.

Синеглазая не стала вредничать, быстро запрыгнула к Ирландцу, схватила его за пояс.

Я ощутил укол ревности, но шанс был упущен. Впереди с места тронулся Кроха, мне пришлось стартовать следом.

По пути от Шумихи до Половинной мы почти не останавливались, и девушки успели вовремя. Во всяком случае, стоило нам подъехать к станции, как белобрысая что-то закричала, Кроха остановил мотоцикл, и она, соскочив с заднего сиденья и несколько раз крикнув «Спасибо!», побежала по путям вперед, туда, где стояла небольшая дрезина. Ей навстречу махали. Синеглазая поспешила вслед за подругой, но неожиданно прямо передо мной обернулась, улыбнулась и махнула рукой.

– А ты смешной! – крикнула она мне, – и мотоцикл у тебя прикольный! – она показала мне большой палец, мол, все здорово! – и побежала к дрезине.

– А поцеловать? – крикнул сзади Ирландец, когда она была уже далеко и в принципе услышать не могла.

Но услышала! Что-то крикнула в ответ, но расслышать в шлеме, что она там кричит, не было никакой возможности! Я только рукой в ответ махнул.

---

<sup>31</sup> Шлем особой конструкции с убирающейся вверх «челюстью»

– Пока!

Мы спешили, снимали шлемы. Надо было размять затекшие ноги-руки да и пиво прикупить тоже было бы неплохо.

– Ты слышал, что она крикнула? – Кроха улыбался.

– Нет, – я насторожился.

Не люблю, когда шутят насчет девушек. Но Кроха не собирался шутить.

– Она сказала, ты красавчик!

Ирландец фыркнул.

– Вот так всегда! – сыронизировал он. – Ты ее везешь, а она хвалит другого. Бабы, че с них возьмешь! – и он сплюнул под ноги.

Мы стали оглядываться в надежде найти магазин или кого-нибудь, кто мог бы подсказать, где он.

...Когда бутылки с выпивкой, хлеб и консервы были рассованы по карманам сумок, на землю упали первые капли дождя. Мы с Крохой удивленно посмотрели на небо. Откуда-то из-за сопки резко набежали серенькие, низкие тучки, затянули небосклон. Байкал потемнел, сопки застыли в ожидании непогоды. Жара исчезла, как будто ее и не было. Надвигалась непогода.

– Может, забуримся в отель? – предложил Карабас.

– Нет, – заупрямился я. – Не знаю, как у Славки, но меня с деньгами поджимает, а у вас тут цены, как будто к вам сюда олигархи ездят!

– Да и дорогу может развезти! – поддержал меня Кроха.

– Это верно! – крикнул Ирландец. – Но не ссыте! Под дождем всяко-разно спать не будем. Я тут одно местечко знаю, там переночуем. До трассы там уже недалеко будет!

На ночлег мы расположились в тоннеле, в котором за ненадобностью сняли рельсы. «Железка» шла в обход, по берегу. Мы загнали мотоциклы внутрь. Я взял топор и притащил со склона горы дров, а Ирландец натаскал хвороста. Костер разожгли рядом с входом. Дождь лил, не переставая, но ветра не было, и дым костра, зависая под потолком тоннеля, лениво выходил наружу.

– Ну, во всяком случае, в воде недостатка нет! – Карабас установил над костром на рогульке, зажатой между камней, котелок. Он во всем искал положительные моменты. – Когда еще вы сможете переночевать в одном из тоннелей Кругобойкалки? А?

– Здесь холодно и сыро! – пробурчал я, стягивая с себя дождевик и развешивая его на мотоцикле, чтобы высох. Перчатки пришлось выжимать.

– От холода и сырости лекарство есть одно! – вдруг процитировал Ирландец. – Из века в век, из века в век это всегда – вино! Стихи мои, если че!

– Ин вино веритас<sup>32</sup>! – крикнул Карабас и откуда-то выхватил кружку. В другой руке оказалась бутылка с коньяком.

Ирландец одним движением вскрыл очередную бутылку пива. Все глядели на меня.

– Э! – воскликнул я, – А как же полицейский пост? Завтра на трассе же пост проезжать будем?

– То будет завтра! – наставительно сказал Карабас. – Во-первых, до завтра еще дожить надо, а во-вторых, – он кивнул на котелок, окутанный дымом. – Будем хорошо закусывать и выспимся как следует. Все будет нормалек, Леха!

Мне ничего не оставалось, как вытащить кружку и подсесть к костру.

---

<sup>32</sup> In vino veritas (лат.) – Истина в вине

Смеркалось. По траве и по камням барабанил дождь. Ирландец хлопотал у костра. Разлили по кружкам коньяк. Разговор оживился.

– А у нас парнишка один был, Олегом звали. Мы с ним как-то в Бурятию ездили. Я на «Яве», а он на «Иже». Помню, он все время голодный был и о еде думал. И купил он в магазине яйца. Десяток, в полиэтиленовом пакете! Я уж ему говорил, что он на своем «Иже» до ночевки яйца квадратными привезет. Не послушал. Положил их бережно – за пазуху! Всю дорогу берег! Еле ехал!

– Ну и?..

– Че ну и?.. На заправке забыл про них, расстегнул куртку, яйца на асфальт и упали! Так у нас потом его звали – квадратные яйца!

– Гы-гы-гы!

– А помнишь, Серега, у нас такой Руслан был? Поехали мы оравой в Бугульдейку. Руслан – со своим братом. Ну и забарахлила у них «Ява»! Кое-как до ночевки дотянули. А там разобрали «Яву», собрали – вообще не работает! Если раньше просто глохла, стоило газ сбросить, то тут – даже заводиться перестала! В общем, трахались они с ней весь следующий день! Все прозвонили, все, что могли – поменяли. Не едет! Думали, думали, че с ними делать? В степи не бросишь. Ладно, была у нас одна «Нива». Подцепили «Яву» веревкой к машине, поехали. Дотащили до очередной ночевки, опять они с ней полночи любились – опять без результата! Тут уже все злиться стали. Нам ехать надо, а они всех задерживают. На следующий день опять «Яву» на веревку – и вперед! Руслан этот больше по земле валялся, чем ехал – бездорожье! На третий день Саня-харлеист нашел, в чем проблема. И что бы вы думали, там было? – спросил Карабас.

– Тряпка в фильтре! – предугадал я ответ.

Карабас хрюкнул в бороду.

– Они там не только ветошь, они там даже отвертку забыли! Байкеры-скамейкеры!

– Ы-ы-ы!

– А землетрясения тут часто бывают? – спросил Кроха, протягивая Карабасу кружку за порцией коньяка.

– Частенько.

– Нас не завалит?

– Да вы че, ребята! Эти тоннели уже столько выдержали! В них от ядерного удара спрятаться можно!

– А кому надо на Байкал бомбу кидать? Американцам, что ли? – усмехнулся Кроха.

– Ну на Байкал – никому не надо! А вот на Иркутскую ГЭС некоторые спят и видят как бы сбросить! А еще рядом – Ангарский НПЗ, свалка ядерных отходов! Так что нас накроют одними из первых!

– Так землетрясения-то часто бывают? – снова спросил питерец.

– За год бывает до пяти тысяч толчков, – ответил за Карабаса Ирландец. – Но сильные, конечно, редко. С последнего десятибального землетрясения уже лет семь прошло. Эпицентр тут, кстати, был, на юге озера. Километров пятьдесят отсюда, на дне.

– Разрушения были?

– Да так, по мелочи. В деревнях печки поразваливались, да трещины в зданиях пошли. Тут ведь все многоэтажное строительство рассчитано на толчки.

В этот момент снаружи вдруг полыхнуло ослепительно белым!

Мы замерли. В следующий момент раздался оглушительный треск. Казалось, воздух рвался прямо над самым тоннелем.

– Гроза! – спокойно объяснил Ирландец.

Разлили.

– А правда, что где-то здесь лежит поезд Колчака с золотом? – спросил я.

– Правда, – ответил мне Карабас, – на сто тридцать втором километре несколько вагонов сошли с рельс. Диверсия! Но тут везде обрыв километровый прямо возле берега. Дайверы называют – свал. Вагоны обрушили скалу и вызвали камнепад. Этим камнепадом их и размолотило. Так что золотишко тут, конечно, лежит, но лежит хорошо! Во-первых, на глубине! Во-вторых, под завалом.

– Да что золотишко! – подхватил Ирландец. – Тут бывало, поезда прямо с людьми в Байкал сходили. Эшелонами!

Мы посмотрели в сторону Байкала.

– А мне вот интересно, ребята, почему мы вот тут сидим, выпиваем, и никто из нас не начнет разговор о том, что было? – вдруг спросил я. – О военном внедорожнике этом и о хрени, которая по гаражу летала, и про аптечки эти странные?

У костра повисла тишина.

– А че говорить? – наконец проронил Кроха. – И так ясно, что ни хрена не ясно...

– Давай, тащи сюда эту фигню, – сказал Ирландец, – че там эта экспертиза, сами сейчас все определим!

Видимо, хорошо мы уже все на грудь приняли.

Я достал со дна сумки коробку, в которую с какого-то перепугу запахал «аптечку», принес к костру, открыл, присвистнул.

– Ребята, да оно, похоже, растет!

Все сгрудились над коробкой. Карабас включил фонарик, осветил.

Ярко-оранжевая пластиковая упаковка аптечки вздулась изнутри. Крохотная пластиковая застежка держалась чудом, кое-где края коробки разошлись.

Я осторожно открыл аптечку. Так и есть! Большой белый контейнер внутри нее стал в два раза больше. На нем появились отчетливые черные полоски. Шесть – по количеству горошин внутри.

– Ты бы выкинул эту дрянь на фиг, – посоветовал Карабас. – Вон, в озеро – закинул подальше, да и дело с концом.

– Ага, закинул! – возразил Ирландец. – А вдруг эта фигня больших бабосиков стоит? Не зря же вояки за вами столько километров гнались! Ну увидели вы, что там кого-то грохнули. Ну и что? В полицию вы не обращались, уехали да уехали. Через три дня вы бы уже в Приморье были бы! Да и вообще – вопрос, грохнули там кого или не грохнули... Нет, эта аптечка определенно ценная штука. Ты бы только, Леха, спрятал ее понадежнее, сейчас я тебе металлический контейнер дам, я в нем ключи вожу, но ради такого случая!.. – Ирландец встал, нетвердой походкой дошел до мотоцикла.

Все-таки мы здорово набрались!

Вернулся он с небольшой металлической коробкой от какого-то прибора, в другой руке у него был нож. Присел рядом на корточки.

– А теперь, Леха, мы будем посмотреть, что там внутри!

Я неохотно вскрыл белый контейнер, высыпал на ладонь потяжелевшие, крупные «бусины». Ирландец выбрал наугад одну из них, покатал по ладони. Положил на ближайшее полено и ткнул в нее ножом, стараясь разрезать.

Неожиданно под его пальцами сверкнула маленькая молния!. Электрический заряд пробежал по руке Ирландца вверх, до сердца.

Иркутянин подпрыгнул на месте, словно кот, которого напугали, и упал на землю бездыханный! Бусина упала на пол, неторопливо покатила по полу в направлении костра и замерла. Запахло озоном

Какое-то мгновение мы молча глядели на распростертого товарища.

– Он что, помер? – спросил дрогнувшим голосом Карабас.

С земли подхватился Кроха, но первым к Ирландцу подскочил я. Перевернул на спину, пощупал пульс на шее. Пульса не было.

– Так и разэдак!

Обрывая пуговицы, рванул ворот рубашки Ирландца, чтобы ничего не стесняло дыхание, наложил на грудь ладони, начал делать непрямой массаж сердца. За спиной сопели товарищи.

– Я это... рот в рот делать не буду! – прохрипел Карабас.

– И не надо! – рявкнул я. – Платок найди! Салфетку! Любую ткань!

Я схватил старенькую, не очень чистую бандану, которую мне сунул Кроха, накинул на лицо Ирландца, зажал ему двумя пальцами нос и вдул в легкие воздух. Потом продолжил делать массаж.

– Так и разэдак! – подвывал сзади Карабас.

Кроха молча сопел рядом.

– Удивительные дела творятся, – пробормотал он. – Зэк мента откачивает.

Мне некогда было с ним спорить.

Минуты через три активного массажа, чередующегося с искусственным дыханием, я снова пощупал пульс. В тот самый момент, когда я приложил пальцы к шее иркутянина, Ирландец вдруг захрипел. Веки приподнялись, приоткрывая белки глаз. Он крепко схватил меня за руку.

– Жжется! – прохрипел он. – А-а-а... Жжется! – он цапал себя рукой по груди, там, где были оборванные пуговицы на рубашке.

– Лежи, Серега! – крикнул ему я, кинулся к своей сумке, за аптечкой. Хотя что я мог сделать? Сердечных лекарств у меня там отродясь не было! Йодом Ирландца намазать, что ли? Но тут выручил Карабас. У него в карманах походной куртки нашелся блистер<sup>33</sup> валидола. Лучше, чем ничего.

Через пять минут Ирландец сидел у костра с валидолом под языком, закутанный в одеяло, с кружкой воды в руке. Вторую обожженную руку он держал на отлете. Я отдал Крохе аэрозольный баллончик от ожогов и бинт, чтобы тот помог Ирландцу и обработал руку, а сам нашел на земле «бусину», аккуратно поместил ее к остальным – в белый контейнер. Контейнер положил в аптечку. Аптечку – в металлическую коробку.

Кроха умело бинтовал руку.

– Выбросил бы ты эту заразу, Леха! – прохрипел Ирландец. – Карабас прав!

Я задумался. Не знаю, почему, но выбрасывать эти штуки не хотелось. Я упрямо мотнул головой и затолкал коробку обратно в сумку.

– Пусть полежит. Нечего ножом тыкать, куда не попадя! Ты как?

– Да вроде нормально! – Ирландец отхлебнул водички из кружки.

– Тихо! – вдруг крикнул Кроха. Подняв палец вверх, он прислушался.

Мы все замолчали. С небес раздавался равномерный, сильный гул. Я даже ощутил, как дрожит земля, отзываясь на него.

– Самолет? – спросил Кроха.

– Не похоже...

– Да идите в баню! – вдруг разозлился Карабас. – Самолет это! Тут как раз трасса проходит. С Иркутска на Улановку<sup>34</sup> борт идет или во Владик<sup>35</sup>. Давайте спать, экстремалы. С меня на сегодня хватит приключений!

Мы разбрелись, кто куда. Котелок с остатками остывающей похлебки так и остался стоять у затухающего костра.

---

<sup>33</sup> Блистер – упаковка, включающая в себя, как правило, десять таблеток

<sup>34</sup> Улановка – Улан-Удэ, столица Бурятии

<sup>35</sup> Владивосток

Я бросил коврик под мотоцикл, стащил мотоботы, лег, завернулся с головой в спальник.

– Ну что, спокойной ночи, мужики?

– Давай уже, – раздалось со всех сторон. – Спи!

Надо мной кто-то склонился. Я, уже сонный, встрепенулся было и хотел вскочить, но это оказался Ирландец.

– Вот что, Леха, – пробормотал он. – Спасибо тебе!

– Не за что, – проворчал я.

– Да есть за что! – Ирландец протянул мне руку, и мне пришлось пожать ее.

Потом я провалился в сон.

Не знаю, сколько мы спали, мне показалось – не больше минуты. Я проснулся от сильных подземных толчков. Со стороны Байкала слышался гул. С потолка тоннеля сыпался песок, что-то трещало и лопалось в его стенах, в толще скалы.

– Все вон! – заревел рядом Кроха.

– Завалит на хрен! – взвыл Карабас.

Мы повскакивали с мест и – кто что успел схватить! – метнулись через потухший костер наружу, под дождь. Дождь был совершенно ледяной! Лило, словно наверху прохудилась огромная бочка!

Я наклонился, чтобы надеть мотоботы, которые успел схватить, но в этот миг все вокруг озарилось ярким, белым светом, и Карабас закричал.

– Мужики, смотрите! Что это? Мужики!

Я поднял голову.

Ослепительная стена светящегося огня, расстилавшаяся от сопки до горизонта и от воды до самого неба, стремительно приближалась к нам со стороны порта Байкал. Зрелище было настолько неожиданное, непонятное и потрясающее, что я замер, судорожно соображая, что это может быть? Мне почему-то втемяшилось, что это какое-то огромное цунами, вызванное землетрясением. Хотя какое в небе цунами? Да еще из огня?

Было так светло, что можно было рассмотреть каждый камушек на площадке перед тоннелем.

– Внутри! – вдруг что есть мочи заорал Ирландец. – Живо внутрь! Сгорим на хрен все!

Мы, словно стадо слонов, бросились обратно. Я едва не опрокинул свою «Ямаху», с разбегу налетев на нее в темном туннеле.

– Где же фонарик?..

– Какой тебе фонарик? Сдурел? – Кроха толкнул меня в нишу в стене, спрятался в нее сам.

Тут же, толкаясь, в эту же нишу залез Карабас. Ирландец укрылся в нише наискосок. Свет становился все ярче, мы вжались в камень.

– Что за хрень?!

И тут налетело. Казалось, воздух вибрировал и плавился, превращаясь в плазму. На меня дохнуло совершенно невыносимым, адским жаром. Я чувствовал, как трясется скала, к которой мы так горячо прижимались. В Бога я до этого не верил, но тут взмолился, прижимаясь лбом к камню. Мне хотелось жить! Как мне хотелось жить в этот момент! Кто бы знал!

Я был уверен, что это ядерный взрыв! Буквально слышал, как сметало по тоннелю наши мотоциклы и рюкзаки, как огненный вихрь неся мимо нас. И я не знал, радоваться или рыдать по поводу того, что мы в убежище, и возможно, переживем ядерный удар. Я совершенно точно помнил: лучше сдохнуть сразу, чем потом медленно умирать от радиации, выbleвывая наружу внутренности!

А потом вдруг стало тихо. Так тихо, что я слышал, как от дыхания трется о холодный камень молния на вороте термобелья и клацают где-то рядом зубы Карабаса.

Грохот отдалялся. Он прошел сквозь тоннель и теперь уходил дальше, на юго-запад, вдоль берега Байкала. Снова стало темно.

Все еще подвывая от ужаса, мы выползли из каменных ниш. Карабас включил фонарик, и тонкий луч света запрыгал по стенам. Руки у бородача тряслись. К нашему общему изумлению, мотоциклы и все-все наши вещи, даже пепел костра остались на месте!

Снаружи по-прежнему шел дождь.

Я споткнулся о свой коврик, наклонился, нашел куртку и нащупал в кармане фонарик. При его свете я вдруг отчетливо увидел, что от моих рук идет то ли пар, то ли дым. Пораженный, я рассматривал ладони, не понимая, что происходит. И пахло так странно... Запах был неприятный, сладковатый. Смердный.

Меня толкнул проходивший мимо Ирландец. Он шел, как будто вообще ничего перед собой не видел. Я светанул ему в лицо, и иркутянин зажмурился, выругавшись.

– Убери его в жопу!

Я отвел луч фонаря в сторону, но за эту секунду я увидел: лицо Ирландца дымилось точно так же, как мои руки! Наверняка с моей физиономией было то же самое!

– Мужики, смотрите, что за фигня! – я сунул руку в луч света, чтобы все могли видеть дым, потом повернул к себе зеркало заднего вида, и посветив себе на лицо, убедился, что все так, как я и предполагал!

– Фьють!

– Мужики, что за хрень? Что это было? Атомная бомба? А? Ирландец? – я схватил бутылку с водой, кое-как умылся. Руки тряслись, и почти вся вода пролилась на землю.

– Не знаю я! – отозвался рыжий иркутянин. – Я че, госсправка? Но до утра я наружу ни ногой! И спать буду в нише. И вам советуую сделать то же самое!

Кроха опустил на свой коврик, словно его не держали ноги. Карабас все еще причитал. Стоны мешались с ругательствами. Все, не сговариваясь, потащили коврики и спальники по нишам, то и дело оглядываясь на вход в тоннель. Я посветил туда, но ничего не увидел. Только темнота и капли дождя сверкали в луче фонаря. И тогда я тоже взялся за коврик.

– А что это за ниши? – спросил я, устраиваясь в одной из них.

От каменной стенки тянуло холодом. Пахло сыростью и старыми шпалами.

– Это для рабочих. Чтобы могли спрятаться, если их в тоннеле поезд застанет, – ответил Карабас.

Замолчали. Сна не было ни в одном глазу. Крупной дрожью тряслись ноги и руки. Я хотел было поговорить с Ирландцем, который залез в нишу напротив, но тот только рыкнул в ответ.

– Отстань, а? И так тошно!

Если судить по звукам, он зубами открыл очередную бутылку пива и теперь ее опустошал. Мне тоже было тошно, но я промолчал. Нашел в кармане баллончик, взболтал его, вдохнул. Потом закутался поплотнее в спальник, прислушался. Снаружи было тихо, только шуршал дождь, и где-то в тоннеле капала вода. Я опасался снова уловить приближающийся вой и грохот или увидеть в темноте новые всполохи света, но все было спокойно. Я думал о том, что все события, произошедшие с нами в последние дни, могут быть звеньями какой-то таинственной, пока не известной нам цепи.

Потом я задремал.

## Глава третья

Я проснулся от того, что меня кто-то похлопал по плечу.

– Давай вставай! – не очень приветливо сказали рядом.

Я открыл глаза. На улице все так же шел дождь. Неяркий утренний свет проникал в тоннель через арку входа. Не выпавшиеся, злые друзья, спотыкаясь, бродили среди мотоциклов.

– Радиация в норме! – провозгласил от выхода Ирландец. В руках он держал дозиметр.

– Уже хорошо, – буркнул Карабас.

– А что телефоны? – спросил я.

– Не работают. Сети нет, – ответил Карабас. – Наверное, обрушилась, такое тут бывает во время чээс.

Я оттащил коврик и спальник к мотоциклу, высунул нос наружу. От сопки и до горизонта небо было затянуто серыми тучами, из которых непрерывно сыпал дождик. Было уныло, сыро и холодно. С Байкала тянуло ледяным ветерком.

Но по крайней мере, все было на месте! Я ожидал увидеть вывал леса, оплавившиеся камни, сгоревшую растительность. Но увидел все те же сосны, растущие на слоне горы, зеленую траву и несколько чаек, круживших над береговой линией. Дождь им не мешал.

– Как думаешь, что это было? – спросил я проходившего мимо Кроху.

В руке питерец держал зубную щетку.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Думаю, выбираться отсюда надо!

Я был с ним полностью согласен. Надо было ехать, несмотря на дождь.

Дорога в дождь оказалась трудной: местами тропинка раскисла, и заднее колесо мотоцикла то и дело поскользывалось на грязи, сложнее стало переезжать через мосты – перил не было, намокшие шпалы стали скользкими, и мы рисковали при малейшей неловкости свалиться с высоты вниз, в реку или в ручей. Уцелеть при таком падении было практически невозможно. Хорошо, если просто утопишь мотоцикл.

Но мы стискивали зубы и ехали вперед. Только вперед! Мы почти не останавливались и не смотрели по сторонам. Все внимание было сосредоточено на дороге.

Оставшиеся до Култука километры проехали часа за два. В деревеньках, через которые шла железная дорога, мы никого не встретили да и не искали встречи.

Дождь непрерывно сыпался из низких туч, мокли вросшие в землю избы, черные, покосившиеся заборы и покорные кустики огородной зелени. За заборами злобно рвались с цепей деревенские псы.

А перед самым Култуком мы увидели впереди дрезину. Она стояла под каменным откосом горы, людей на ней не было. Остановились, чтобы осмотреть ее. Дрезина была сделана из старья. На одном сидении лежал старый солдатский вещмешок, на втором – какое-то тряпье.

Я попятился в тот самый момент, когда увидел под сиденьем ботинки. Нормальные такие берцы, зашнурованные по всей длине. Я перевел взгляд опять на сиденье и понял, что это лежит одежда человека. Вся – серые, старые джинсы, низ которых был заправлен в берцы, старая куртка-аляска из ворота которой выглядывал свитер. Зеленая вязаная шапочка с белым грязным узором валялась чуть поодаль между рельсов.

Над ухом матерно выругался Карабас. Ирландец запрыгнул на дрезину, приподнял лежавшую одежду. Изнутри куртки потекла черная, вязкая жидкость, похожая на смолу. В нос ударил уже знакомый сладковатый запах.

Так пахло от моих рук этой ночью!

– Что за дрянь?.. – Ирландец бросил куртку, спрыгнул с дрезины, вытер руку о штаны. Я только сейчас заметил: точно такая же черная, смоляная лужа растекалась возле ботинок.

– Что это такое? – вдруг заорал Ирландец. – Что это такое? Что?!

Кроха молчал. Молчал и Карабас.

– Что-что... – выдавил я. – Человек это, вот что! Был, во всяком случае! – я сглотнул комок, подступивший к горлу. Не хватало еще поплевать!

Карабас снова достал телефон, посмотрел на дисплей.

– Нету ничего!

По крайней мере, здесь не было вещей этой белобрысой дылды, и рюкзака синеглазой тоже не было.

– Рвем до этого... до Култук! – скомандовал Кроха. – Там все ясно будет! Или людей встретим, или... третий клапан цилиндр!

– Пацаны, а девчонки эти что? Тоже... того? Они же где-то здесь должны быть, на скалах? – спросил я.

Мне не ответили.

Култук встретил нас ветром и лаем собак. Это был довольно большой поселок, раскинувшийся вдоль федеральной трассы на широком берегу между Байкалом и сопками. Людей на улицах не было. Дождь прекратился, с гор навстречу нам рвался ледяной ветер.

– Ничего себе у вас тут лето! – поворчал я, поеживаясь. Руки в мокрых перчатках замерзли.

– Привыкай, москвич, – усмехнулся Ирландец. – Тут вам не здесь! Что-то я не вижу никого. Но может, просто рано еще. Сколько времени?

Кроха задрал рукав куртки.

– Без четверти восемь.

– Во-от! Все еще спят.

– А день какой?

– С утра вторник был!

– Не могут все спать утром! – возразил я. – Машины должны ехать, люди на работу идти. Дальнобойщики по трассе должны шуровать! Надо на заправку ехать – там точно никто не спит!

– Тогда за мной! – Карабас открутил ручку газа и уехал вперед.

По узкому проезду между заборов мы выехали на главную улицу поселка: за домами справа начиналась гора, по горе шла железная дорога.

Вдоль улицы тянулись наглухо закрытые магазинчики и забегаловки.

У меня неприятно похолодело внутри, когда я увидел старый внедорожник, съехавший с дороги в кювет и разворотивший деревянный забор. Капот машины был смят. За рулем никого не было.

«Быть может, в этот самый момент, когда Култук настигла огненная стена, хозяин внедорожника ехал по трассе! Тут-то ему и пришел конец!» – мелькнуло в голове.

Мы потихоньку проехали мимо. Кроха несколько раз обернулся назад, по-видимому, разглядывая место водителя.

На развилке повернули налево. Впереди, метрах в трехстах справа от трассы виднелась АЗС.

Мы свернули туда и остановились возле колонок.

Кроха, Ирландец и я сразу же направились к зданию заправки. Справа от нее стояло синее модульное здание с вывеской «Кафе». Слева от АЗС располагались автомастерские и шиномонтаж. Возле шиномонтажа стоял огромный КамАЗ с прицепом. Кабина тягача была отки-

нута, на кронштейне висела переноска<sup>36</sup>. Наверное, водитель ремонтировал тягач, когда все случилось.

Внутри здания АЗС было пусто. Вдоль стен стояли стеллажи с продуктами, с канистрами масла и с бутылками минералки. За стойкой кассы никого не было. Кроха с силой постучал кулаком в прилавок: надеялся привлечь внимание. Я перегнулся через стойку, Ирландец проделал то же самое.

На полу у кассы валялась голубая униформа и старые туфли.

– Ну что там? – спросил Кроха.

– Туфли, – ответил я, – женские!

Кроха прошелся между стеллажей.

– А тут еще вот ботинки и форма охранника, – донесся до меня его голос.

– Ясно, – я нахмурился.

– Че те ясно? Че те ясно? – вдруг завелся Ирландец. – Мне вот, например, ни хрена ни ясно!

– Сюда, мужики! – окликнул нас Карабас.

Мы оглянулись. Карабас придерживал распахнутую дверь АЗС.

– Там кафе открыто!

А ведь и вправду нам надо было где-то посидеть, отдохнуть, обсудить создавшееся положение! Чего зря собачиться?

В темном помещении кафе было теплее, чем снаружи. Я окинул взглядом зал, отыскивая одежду людей и уже знакомые чернильные пятна, но в зале оказалось чисто. За барной стойкой тоже никого не было.

Ирландец сразу же дернул на себя ручку холодильника с напитками, достал – нет, не пиво, – энергетический напиток в маленькой синей банке, открыл, жадно припал.

– Хозяева! – громко крикнул я в сторону кухни. Еще теплилась надежда, что кто-нибудь откликнется, что все это – лишь цепь случайных совпадений.

Никто не отозвался.

Я заглянул через стойку, ожидая увидеть худшее, но пол был чистый. Я перепрыгнул через нее и направился на кухню. По дороге щелкнул выключателем – электричества не было. Плохой знак!..

– Осторожнее там! – крикнул мне вслед Кроха.

Я приоткрыл дверь. Кухня была небольшая: плита, СВЧ-печь, разделочный столик, мойка, полки с посудой. Кучи одежды с потеками черной смолы на полу я увидел сразу. В ноздри ударил сладкий смрад. Я сразу же прикрыл дверь, обменялся с Крохой взглядами. Показал ему два пальца:

– Двое...

Надежда во взоре Крохи погасла.

Телефоны по-прежнему «не брали». Мы собрались за столом в центре кафе. Ирландец принес бутылки с холодным чаем и колой. В холодильнике в подсобке я нашел колбасу и буженину, отыскал хлеб.

– Да идите вы в баню, я кофе хочу! – вдруг заявил Карабас и принес заправленный примус.

Никто не возражал, всем хотелось горячего. Прямо на столе разожгли примус, на примус поставили кастрюлю с водой из пластиковой бутылки. На этикетке было написано «Байкальская».

– Что делать будем? – спросил Кроха.

---

<sup>36</sup> Переноска – лампа на длинном проводе

– В смысле? – хмуро спросил Ирландец, но похоже, сделал он это просто из упрямства. Или хотел отсрочить признание очевидного.

– Я думаю, чем-то жажнули по нашей территории! Каким-то оружием! Надо выяснить, что произошло. Есть рядом крупный населенный пункт? Надо найти спутниковый телефон, попробовать связаться... Ну хоть с Москвой, хоть с Питером. С Иркутском, в конце концов!

– А если не свяжемся?

– Вернемся в Иркутск, посмотрим, что там. Тут же километров, наверное, пятьдесят, не больше.

– Сто километров! – поправил Ирландец.

– Ну сто! Час езды. А то можно и в другую сторону рвануть.

– В Иркутск надо ехать, – заупрямился Карабас. – Вы-то тут гости, Ирландец жену вон, на курорт спровадил, а у меня в городе батя остался. Семьдесят лет. Если что, куда он один подается?

– Может, китайцы это? – подал голос Ирландец. – Бахнули какой-нибудь нейтринной бомбой? Радиации нет, а люди – того! – он всыпал в закипевшую воду кофе, найденный на полках за стойкой, снял кастрюлю с примуса, разлил дымящийся напиток по огромным керамическим кружкам.

– Ты прав. Найдем спутниковый телефон – тогда и узнаем! – отрезал Кроха, наблюдая за действиями Ирландца. – А то вдруг нам надо рвать отсюда в сторону Красноярска подальше от китаез? Китайская армия, говорят, за день до шестисот километров может делать. А мы сидим, кофе попиваем! Значит, гоним обратно в Иркутск. Все согласны?

Переглянулись.

– Все! – решительно ответил я.

Мы накнулись на кофе и бутерброды. Я про себя отметил, что байки об отсутствии на Байкале похмелья правдивы. Никакого похмелья после вчерашнего не было. А вот голод был зверский! Напоследок Ирландец взял из бара бутылку «Белой лошади».

– Кому она тут нужна...

Но самое интересное я увидел, когда мы выходили: Кроха потихоньку от всех положил на стойку тысячную купюру. Вежливый.

Бензина мы накачали из бака «семерки» и какой-то старенькой «Тойоты» -криворульки, стоявших за зданием АЗС.

Гонка до Иркутска была стремительной.

Это был настоящий горный серпантин, ездить по которому мне еще не доводилось – с «тещинскими языками»<sup>37</sup>, головокружительными спусками и крутыми подъемами. Дорога была практически пустой, в одном месте я увидел опрокинутую в кювет фуру и заметил несколько легковых авто, ушедших с трассы в разных местах. Первый раз, когда мы увидели такую машину, я остановился и полез смотреть, нет ли в салоне водителя или пассажиров, но машина оказалась пустой, вернее, почти пустой – груды бесформенной одежды на водительском сиденье, заляпанный черным руль и знакомая вонь.

Кто-то не доехал до места назначения...

А потом мы уже не останавливались до самого Иркутска. Всю дорогу в голове было пусто, как в кувшине, – происходящее не укладывалось в сознании.

Иркутск встретил нас пустынными улицами и многочисленными авариями. Тишина была абсолютной и от этого – жуткой. Мокрый от дождя асфальт, серые улицы и синие маковки церквей. И только один раз я заметил движение – через улицу метнулась свора собак. Еще

---

<sup>37</sup> Тещин язык – опасный поворот на спуске или на подъеме горы

голуби были. Потом до нас стали доноситься далекие раскаты грома. Кажется, надвигалась гроза.

«Странное дело, – подумал я, – ведь обычно грозы бывают в конце дня, а не по утрам!»

Дом отца Карабаса оказался на другом конце города. Мы подъехали к крыльцу, остановились, подождали, пока Карабас откроет дверь своим ключом, войдет внутрь...

Телефоны по-прежнему не работали.

...Всегда тяжело глядеть, когда взрослый мужик плачет. Я многое бы отдал, чтобы не видеть, как Карабас, шатаясь, вышел из отцовского дома. Ноги его не держали, и нас он не видел. Он оступился и едва не упал с крыльца, но Кроха поддержал друга.

Карабас сел на ступеньку, закрыл лицо ладонками, как ребенок, и заревел.

Кроха в свою очередь прошел в дом, вернулся, сел рядом с Карабасом, обнял за плечи.

– Надо бы похоронить! – выдохнул он.

– Что? – воскликнул вдруг Карабас. – Что хоронить? Пижаму? Жижу эту? Что? Кто отпевать будет? – взгляд его вдруг прояснился. – Отца Марка надо позвать! Слышишь? – он говорил это мне, как будто я мог невесть откуда привести этого самого отца Марка.

Я отвел глаза. Становилось жутко.

– Жень, ты чего? – спросил его Кроха.

Карабас опомнился.

– Давай, показывай, где тут могут быть лопаты, – тихо приказал Кроха, и Карабас, вытерев слезы, поднялся.

Это были вторые похороны, на которых я присутствовал. Когда умер отец, я отбывал наказание. Так что единственные похороны, на которых я был – это похороны мамы. Странно, мне было уже двенадцать лет, а я почти ничего не помню, все как в тумане. По-моему, нормальными похороны вообще быть не могут. Ненормально потому что это – умирать. Человек создан, чтобы жить. Да-да «человек создан для жизни, как птица для полета». И не смейтесь. Смеяться тут не над чем. Смерть – что-то настолько противоестественное и непонятное, что даже самых мужественных людей выворачивает наизнанку. Я был с ней близко знаком. Я же убийца.

...На этот раз я все запомнил: и как мы готовую могилу на кладбище нашли – на самой окраине, и как «тело» вместе с матрасом привезли на стареньком грузовичке, который стоял тут же, на улице. Завести его было делом трех минут. Как положили все *это*, завернутое в простыню, в гроб, найденный на складе похоронной конторы, находящейся на территории кладбища. Заколотили. Опустили вниз. Друзья мои перекрестились, а Кроха прочитал «Отче наш». А потом мы закопали *это*. Ирландец притащил от кладбищенской часовни крест, – там уже стояли готовые, а я – сборную оградку. Установили. Лопатами обхлопали могилу.

И стоило нам закончить это страшное дело, как с Карабаса вроде бы как тяжесть какую сняли. Он вздохнул вроде бы даже с облегчением. Он долго еще стоял у могилы, наверное, молился, а может, и плакал. Потом его увел оттуда Кроха. Мы вежливо хлопали его по плечу, но каждый думал о своем. Все беспокоились о родных. Мне было, наверное, легче всего. У меня никого не было.

Надо было решать, что делать дальше.

Карабас поехал к себе – собрать вещички. Кроха хотел было отправиться с ним, но тот отказался наотрез.

Мы снова остановились в доме у Ирландца. Впрочем, остановились – громко сказано.

Бросили мотоциклы на улице, прошли мимо притихшей собаки, которая непрерывно юлила хвостом. Вид у пса был напуганный. Не снимая мотоботы, протопали на кухню и там

сели каждый на то самое место, где сидели несколькими днями раньше. Ирландец снял со стационарного телефона трубку, послушал. Покачал головой и вернул ее на место.

Помолчали.

Через какое-то время он тяжело встал и заглянул в холодильник, достал пакет, стал скидывать в него мясо из морозилки.

– Не выбрасывай, – посоветовал я, – оно ж еще нормальное.

– Я не выбрасываю! – ответил Ирландец. – Я хотел в погреб... – он приостановился.

Какое-то время смотрел на полки холодильника, забитые банками и свертками, а потом вдруг швырнул пакет с мясом через кухню, одним движением сбросил все, что стояло на столе, на пол и начал бить кулаком в холодильник, приговаривая:

– Так твою! Так и разэдак! Так и разэдак! Так твою!

Несмотря на бешеные удары кулака, голос у него был абсолютно будничным, обычный.

Кроха какое-то время смотрел на то, как пятнами крови покрывается белая вминающаяся поверхность «Самсунга», – Ирландец сразу же разбил костяшки пальцев, – а потом питерцу это надоело, он встал, шагнул к Ирландцу, каким-то немислимым приемом скрутил его так, что спортбайкер в мгновение ока оказался на полу. Кроха навалился сверху, прижал коленом.

– Пусти, налево тебя и направо! – взвыл Ирландец.

– Отпущу, – хмуро рявкнул Кроха. – Истерить перестанешь, сразу отпущу!

Ирландец подозрительно быстро затих. Но стоило Крохе ослабить хватку, как он вывернулся из крепких рук байкера и буквально на карачках метнулся вон. В коридоре он, наконец, сумел подняться на ноги, пробежал куда-то вглубь дома, Кроха, топая мотоботами, следовал за ним. В следующий момент Ирландец появился в коридоре с ружьем наперевес, угрожающе лягнул затвором, и Крохе пришлось посторониться.

– Убью! – заорал иркутянин. – Убью всех! – но гнев его был направлен не против нас, а против того непонятного, что происходило вокруг нас. – Всех убью! Китаез, хачей, пиндосов! Всех! Какие суки сделали это? Какие? Где вы? Выходите!

Он выскочил на крыльцо, потрясая оружием, несколько раз нажал на курок, словно желая убить серые тучи, застилающие солнце. Грохот выстрелов разорвал невозмутимую тишину.

Кроха вернулся на кухню, открыл бар, нашел рюмки, плеснул себе и мне.

– Пусть пропсихуется, – вылил содержимое рюмки в рот, словно это была вода, а не водка, сел, посмотрел на меня.

– Ты-то, Леха, что думаешь? Что делать будем?

– Карабаса подождем, – ответил я.

– А потом?

– А потом надо отсюда выбираться. Оружие, по ходу, есть. Надо спутниковый телефон найти. Может, все не так плохо.

– Эх, Леха! Не видать нам Тихого океана, чует мое сердце! – вздохнул Кроха.

Я про себя подумал, что это не самая большая проблема на сегодня.

Карабас вернулся через час. Его приближение мы услышали задолго до того, как он появился на улице. Возле ворот он посигналил, и мы все втроем вывалились на улицу. Перед нами стоял огромный, нет, не огромный – чудовищный внедорожник «Ниссан-Тундра» черного цвета. Он был новый, словно только что сошел с конвейера, и ни единой царапинки не было на его сияющих лаком боках.

– Как вам моя игрушечка? – спросил Карабас. – Бронированная, между прочим. На заказ делали!

– Да! Дело-то, я вижу, у тебя, в самом деле, в гору пошли! – воскликнул Кроха.

– А чем ты занимаешься? – спросил я.

– Игрушками торгую, – Карабас прыгнул на землю. – Кхе... Наверное, уже торговал!

– Натурально, игрушками? – изумился я.

– Натуральнее не бывает, – сказал Карабас и бросил мне спутниковый телефон.

Я поймал, повертел в руках.

– Можешь выбросить, – горько усмехнулся Карабас. – Не работает. Нет у нас связи!

– Ну что, мужики, – Кроха оглядел всех.

Мы снова сидели на кухне, поглощали бутерброды, пили чай. На разделочном столике лежало все оружие, которое было в доме у Ирландца: дробовик «Сайга», карабин «Вепрь» и «Оса».

– У кого какие мысли? Леха вон считает, что валить надо на запад. А вы как?

– Поискать надо! – ответил Карабас. – Вдруг остался кто? Ну не знаю, бабы там, детишки.

– Бегемоты в зоопарке! – вставил Ирландец.

– Ага, пальмы в ботаническом саду! – усмехнулся Карабас. – Я серьезно! Надо подумать, где люди могли уцелеть? Бомбоубежища там, не знаю, бункеры, подвалы, пещеры...

– ГЭС! – перебил его Ирландец. – В плотине ГЭС! Представляете, какой там слой бетона над головой в некоторых помещениях? Надо туда заехать! Заодно и узнаем, почему света нет!

После обеда мы разделились. Кроха вооружился короткой «Сайгой», у Карабаса в салоне уже был припрятан огромный «Кольт», «Вепрь» взял себе Ирландец, а мне, как единственному не служившему в армии, досталась травматика.

Карабас с Крохой поехали в ближайший супермаркет – делать запасы, а мы с Ирландцем, сев на мотоциклы, решили объехать город. Ясно-понятно, что прочесать весь Иркутск на двух мотиках мы не могли, но успокоить совесть надо было.

Мы минут сорок колесили по улицам и дворам города, два раза пересекли Ангару, заезжали в какие-то проулки. Мы то и дело сигналили, надеясь, что хоть кто-нибудь откликнется на сигнал клаксона, но кругом было тихо. Неторопливый дождь поливал ледяной водичкой серые улицы, зеркальные кубы современных офисных зданий, набережную Ангары со статуей Александра III, зелень скверов и старинные, отделанные древним кружевом деревянной резьбы двухэтажные особняки.

Если абстрагироваться от сложившейся ситуации, город был красивым. Но развороченные машинами заборы и снесенные опоры освещения не давали забыть, что с людьми произошло что-то страшное. Один раз, на улице, спускавшейся к мосту через Ангару, я увидел машину, въехавшую в магазин. Машина снесла ограждение и пробила огромную стеклянную витрину.

Несколько раз мне казалось, что я видел людей, но каждый раз это был обман зрения, а один раз это оказалась светло-рыжая бойцовая собака, которая металась внутри припаркованной у тротуара машины. Я притормозил, размышляя, не выпустить ли животное из автомобиля, но решил не делать этого – уж больно неприятный вид был у псины. Увидев, что я притормозил, она оскалила нешуточные клыки и зарычала.

– Поехали к плотине! – крикнул Ирландец, гарцующий впереди на спортбайке. Его ярко-желтый дождевик блестел от дождя.

Капли дождя мелкими иглами кололи лицо, но Ирландец не сбавлял скорости, и мне приходилось все время добавлять газу. Только в одном месте Ирландец притормозил: здесь поперек улицы развернуло небольшой китайский грузовичок. По полотну дороги раскатились какие-то металлические бочонки.

Пиво, что ли?..

Наконец мы оказались на кольце<sup>38</sup>. Ирландец стремительно положил свой спортбайк в правый поворот: там, вдалеке, на просторе, под серым небом виднелась плотина ГЭС, по которой шла дорога, но вдруг он как-то неуверенно вильнул, выровнял мотоцикл, сбросил газ и ударил по тормозам. Я видел, как он поднимает стекло шлема. Он ткнул перчаткой вперед и что-то крикнул. Я нажал на тормоза. Заднее колесо пошло по мокрому асфальту юзом. Выставил ногу, чтобы не упасть. Мотоцикл остановился.

– Мама дорогая! Что это за шняга!!!

Я посмотрел вперед, на плотину, и холод проник за ворот куртки. Впереди, среди свинцовых туч, на пепельно-сером массиве плотины, возвышалось нечто, чего здесь явно быть не должно. Из разрушенного тела гидроэлектростанции вверх, в небо, в тучи, уходил непонятный гигантский стебель, диаметром метров в десять, словно со дна Ангары сквозь гидроэлектростанцию пророс огромный сорняк. На полотне дороги то тут, то там громоздились огромные бетонные обломки. Невдалеке поперек дороги лежал перевернутый минивэн. По асфальту рассыпалось битое стекло.

Волосы на моей голове приподняли шлем. Стебель был как будто живым! Он то сокращался, то вдруг удлинялся, словно его тянуло вверх неведомой силой, вдоль его скрученных, толстых жил снизу вверх струились огромные, синие молнии, как будто туда, в небеса, кто-то выкачивал все те сотни мегаватт, который вырабатывала Иркутская ГЭС. Я достал из кармана телефон, который отдам мне Кроха, сделал несколько снимков. Лучше, чем ничего.

– Японский городской! – завопил рядом Ирландец. – Я фигею! Рвем отсюда! – он стал разворачиваться.

– Я подъеду поближе! – крикнул я и повернул рукоять газа.

– Куда? – крикнул вслед иркутянин, но я не послушал.

Непонятное сооружение оказалось гораздо дальше, чем мне показалось сначала. Сперва в лицо ударил бешеный ветер со стороны водохранилища, но чем ближе я подъезжал, тем слабее становились его порывы, и наконец, наступил абсолютный штиль. Я тщательно объезжал все препятствия на дороге, на полотне оказалось много обломков с острой арматурой. Справа, на газоне, краем глаза увидел лежащий на боку мотоцикл. Кто-то доездили!

Я остановился, не доезжая до стебля метров пятьдесят. Ближе подъезжать было опасно – я кожей чувствовал, как наэлектризован воздух. Словно тысячи кошек одновременно запустили свои острые когти под кожу. Я нажал на рычаг тормоза и почувствовал, как через мокрую перчатку бьет током! Двигатель мотоцикла начал давиться.

Я сделал то, чего делать не должен был: заглушил «Ямаху», спешил и снова вытащил телефон. Задрал голову вверх, рассматривая уходящие вверх жилы стебля. Отсюда было отлично видно, что жилы были скручены из более тонких трубок, а те, в свою очередь, из тонких, по-видимому, очень упругих трубочек, поверхность которых была соткана из миллионов крохотных, блестящих нитей. В этот момент мне показалось, что все это – скорее инженерное сооружение.

Страху почему-то не было. Совсем! Только удивление и любопытство. Я сделал несколько снимков, а потом мне захотелось подойти поближе, и я, оставив мотоцикл, сделал несколько шагов вперед, но тут до меня донесся отдаленный крик Ирландца. Я обернулся.

Иркутянин показывал рукой куда-то вверх. Я задрал голову и похолодел: из-за свинцовых туч надвигалось что-то действительно огромное. Я снова услышал гул, словно над ГЭС завис какой-то гигантский летающий объект. Плотина под ногами задрожала.

Внезапно из низкой тучи в полотно дороги прямо передо мной вниз стремительно упало огромное, серое щупальце. Его острие вонзилось в асфальт дороги, как стрела, выпущенная из огромного арбалета.

---

<sup>38</sup> «Кольцо» – кольцевая развязка на перекрестке нескольких дорог

Раздался грохот, я отчетливо ощутил толчок – плотина всколыхнулась. В стороны полетели куски дорожного полотна, бетонные блоки, стоявшие по сторонам шоссе. А щупальце проникало и проникало куда-то внутрь плотины, утолщалось, растягивалось, по нему пробегали электрические разряды. Было слышно, как в глубине плотины что-то лопается, рвется. Асфальт под ногами затрясся.

– Уходи! Уходи на хрен! – истошно заорал издали Ирландец.

Отреагировать я не успел.

Меня вдруг ударило чем-то обжигающе-ледяным и в следующий момент подняло в воздух!

Правду говорят – в такие мгновения время растягивается. Тела я не чувствовал. Совсем. Я взлетел куда-то вверх, а рядом с моим лицом, прямо перед глазами стремительно двигалась вниз почти черная, блестящая поверхность, и блеск ее волокон сливался в одно сплошное голубоватое сияние. Миллионы крохотных голубых искр струились по поверхности стебля. Я совершенно отчетливо ощутил, как все волоски на теле встали дыбом от статического электричества, которым был пронизан воздух.

Снизу, из глубины плотины, раздался страшный стон, словно там, внутри, огромные каменные жернова перемалывали куски бетона или детали турбин. Мимо меня, медленно вращаясь, подобно огромному бумерангу, пронесся столб уличного освещения.

Новые и новые щупальца вонзались в асфальт дороги, взрыхляя его, как будто пахарь – рыхлое, много раз вспаханное поле.

А потом я рухнул вниз! Хорошо, не на асфальт! Я словно братец-кролик свалился в низкие, коротко постриженные, колючие кусты, растущие по обе стороны от дороги. Ветки смягчили падение, шлем предохранил голову, а вшитая в куртку «черепашка»<sup>39</sup> – позвоночник. Но все равно удар о землю был такой силы, что я не сразу пришел в себя.

Я очнулся и обнаружил, что меня кто-то тащит, схватив за ворот куртки. Непонятная дрянь, на глазах разрушающая плотину ГЭС, была уже далеко. Я засучил ногами, стараясь хоть как-то притормозить движение, потом постарался схватить того, кто меня тащил.

– Живой?! – надо мной склонился Ирландец.

– Живой, – прохрипел я в ответ. – Пусти! Моцик! Мой моцик!

– Забудь! – крикнул спортбайкер. – Другой найдем! Сам цел, и ладно! Рвем отсюда! Рвем!

Он помог мне подняться, потащил к «R1».

Я обернулся на плотину. Моей «Ямахи» не было видно: может быть, мотоцикл слетел с плотины вниз, а может быть, его, наоборот, вбило внутрь плотины этими странными, почти живыми столбами!

Ирландец виртуозным движением развернул мотоцикл на пяточке, кивнул на заднее сиденье.

– Быстрее!

Я оглянулся и в этот миг метрах в двадцати от нас увидел велосипедную сумку! Мою сумку с вещами! Я бросился к ней, не смотря на крики Ирландца, схватил, взвалил на плечо и что есть духу понесся обратно! Воздуха мне катастрофически не хватало в тот момент, но сумку бросить я не мог – там были все мои вещи.

Асфальт под ногами уже ходил ходуном, покрываясь трещинами, а наверху за низкими тучами снова нарастал громовой гул, и я сходу прыгнул на жесткое заднее сидение спортбайка и тут же клещом вцепился в Ирландца, потому что в следующий миг тот открутил ручку газа на полную, и сила ускорения отбросила меня назад.

---

<sup>39</sup> «Черепашка» – сегментированная защита спины

Дальше был полет на сверхзвуковых скоростях. Ирландец тормозил так, что я вместе с сумкой кулем валился на него, а потом снова поддавал газу, и у меня жилы трещали от усилий удержаться на заднем сидении. Зато минут через пять мы остановились у дома Ирландца возле карабасовской «Тундры».

– Рвем когти! – заорали мы в две глотки выбежавшим навстречу друзьям.

Ирландец сунул мне ключи.

– Возьми «Сузуку»! – крикнул он, и в миг его выдуло из седла. Следующие пять минут он метался по дому, скидывая все, что попадалось на глаза, в огромную сумку.

– Да ты не торопись! – попытался остановить его Кроха. – Бери только самое важное!

Ирландец замер на миг, глядя сквозь Кроху, а потом мы с ним снова заорали хором.

– Рвем когти!!!

Несмотря на то, что меня трясло от адреналина, словно карманную собачонку от холода, я вывел из гаража «Сузуки» Ирландца, перекинул через сиденье сумку, пристегнул ее специальным ремешком к багажнику, чтобы не смещалась во время езды, завел мотоцикл. Я еще не верил, что моего мотика больше не существовало. Моей верной, полностью перебранной, надежной «Ямахи»! Эх!..

Хорошо, что деньги и документы остались во внутреннем кармане куртки.

– Что видели? – пытался добиться от нас Кроха, – что стряслось?

– Слышишь? – спросил его я.

Отсюда грохот разрушаемой плотины казался громом далекой грозы.

– Плотина ГЭС может рухнуть!

Карабас мигом оказался за рулем «Тундры», изменившийся в лице Кроха подскочил к «Абрикосу».

Во дворе залаяла собака. Ирландец закинул сумку в кузов внедорожника, подбежал к собаке, отстегнул цепь от ошейника.

– Прости, Бархан, забыл про тебя! – он подвел собаку к машине, приоткрыл дверцу со стороны пассажирского движения, свистнул. – Фьють! Прыгай, дружище!

Собака не заставила себя ждать.

Ирландец, не обращая внимания на ворчание Карабаса по поводу пса, закрыл дом, ворота, прыгнул в седло своей «Ямахи», и – нам осталось только догонять!

## Глава четвертая

....– Ну и куда мы едем? – спросил я, когда мы в первый раз остановились километров через сто – размять ноги. Только сейчас я начал ощущать боль в спине и в боку слева – там, где была «Оса» в кобуре. Спасибо, что живой! А то могло бы дурака вбить этим щупальцем в асфальт, и осталось бы, натурально, мокрое место!

Больше всех остановке обрадовался Бархан. Он возбужденно носился по дороге, восторженно оглядываясь на хозяина. Всю свирепость пса как рукой сняло. Думаю, нечасто Ирландец баловал его поездками.

– Да хрен его знает! – ответил рыжий иркутянин. – Пока – вперед.

В небес снова раздался гул, словно над нами на бреющем полете проходила эскадрилья бомбардировщиков.

Помолчали, задрав головы и прислушиваясь.

– Мы же вроде собирались до Красноярска рвать, – сказал Кроха, когда гул стал отдаляться, – передумал, что ли? И где, так-раздак, твой мотоцикл? – спросил он меня.

– Мотоцикл тю-тю, – мрачно ответил я. – Но если бы ты видел то, что видели мы, про мотоцикл ты бы забыл! – я сунул ему телефон с фотографиями.

К нам подошел Карабас, посмотрел через плечо Крохе на экран телефона, несколько раз матюгнулся.

– Это не китайцы! – прокомментировал Кроха, отдавая Карабасу телефон.

– Не китайцы, – мрачно согласился Карабас, просматривая фотографии.

– И не пиндосы, – Ирландец сплюнул под ноги. – Нет у пиндосов таких технологий!

Я коротко рассказал, что произошло на плотине ГЭС.

– А ты адреналинщик, – буркнул Карабас.

– Куда там! Наадреналинился я по жизни уже... По маковку! А тут... Словно наваждение нашло! Так прямо и тянуло туда! – поделился я впечатлениями. – А что будет, если плотина рухнет?

– Волна пойдет сорок метров, – угрюмо ответил Карабас. – Но думаю, кто бы там на ГЭС не шалил, разрушать ее не будут. Зачем-то она им нужна!

– Ага, а зачем – непонятно! – съерничал Ирландец. – Че им там, в самом деле, надо? Наверное, грибы ищут! Че дурку гонишь? Электричество сосут. Натуральным образом! Прямо от генераторов. Через трубочку!

– Ну что, мужики, стало быть, вторжение? Кого или чего пока неясно. Летает ведь там кто-то, наверху. И тучи неспроста появились, ни хрена за ними не видно!

– Да... Тучи странные. Низкие, и ни одного просвета. А вроде, обещали солнце... Хорошо хоть дождь закончился.

Неожиданно в моей сумке что-то громко хлопнуло. Я аж на месте подпрыгнул! Я думать забыл про эту дурацкую аптечку.

– О! – отреагировал на это Ирландец. – У Лехи в сумке инопланетяне вылупились!

– Ну и... Шутки у тебя, Серега! – я принялся расстегивать молнию на сумке, откинул верхнюю крышку, залез рукой в одну из «штанин», извлек со дна металлический контейнер.

Контейнер действительно изменил свою форму, но было непонятно – то ли его так расперло изнутри только что, то ли форма коробки изменилась во время «полета» сумки на плотине.

Я повертел контейнер в руках, попытался его открыть, но его заклинило.

– Дай сюда, шас как... дам по нему! – вдруг свирепо попросил Кроха и показал мне своими здоровенными кулаками, как он в лепешку сомнет контейнер.

Я убрал смятую коробку подальше.

– Но-но! Забыл, как Ирландца током долбануло? К тому же это единственное доказательство, что нам все не приснилось! Сейчас приедем в Красноярск, пойдем к военным и что им скажем? «Внимайте нам, други! Странные щупальца опутали плотину Иркутской ГЭС!» Отправят на экспертизу в наркологию – и всех делов! А так – вешдок есть! Иди проявляй агрессию в другом месте, – я спрятал контейнер от греха подальше на дно «штанины». Пусть полежит.

Смазали мы цепи у мотоциклов, некоторые приложились к горлышку бутылки, которую Ирландец экспроприировал в кафе на Байкале, и полетели вперед.

То есть назад.

Ночевали мы в Тулуне. На самом выезде из городка слева оказалась грязненькая одноэтажная гостиница. Можно было найти что-нибудь получше или ехать дальше – день еще только-только начинал клониться к вечеру, но мы были такими уставшими, и настроение было ни к черту, что решено было остаться здесь.

Коридор, крохотные комнаты по обе стороны, разгороженные тонкими перегородками. Маленькая, темная кухонька.

На этой-то кухоньке и состоялся наш «хурал»<sup>40</sup>, – так назвал совещание Карабас. Ничего кроме кофе не пили. После горячих споров Кроха подвел черту.

– Итак, ребяташки, вдарили по нам какой-то ядерной хренью, от которой, как наш недоучивший медик Леха предполагает, молекулярная структура ДНК распалась, и тело человека, минуя все стадии разложения, превратилось в кучку грязи. Из праха пришли, в прах и вернулись. Аминь! – он перекрестился. – Ядреная эта фигня, которую мы видели ночью, убила только людей. И птицы летают, и Бархан гавкает.

Лежавший в углу Бархан, услышав свое имя, насторожил уши и с тревогой посмотрел на Кроху.

– Ни детишек, ни баб, никого не осталось, – продолжил Кроха. – Вряд ли это китайцы, потому что гул все больше с севера идет. Но ясно, что кто-то хочет занять наше место. То, что вы, мужики, на плотине видели, весьма похоже на вторжение из космоса. Но я бы спешить с выводами не стал. Сейчас у нас два варианта действий. Первый: валить на хрен! Второй: остаться здесь и постараться найти уцелевших. Не факт, что в Красноярске лучше!

Карабас показал Крохе кулак.

– Не трави душу...

И Кроха, двухметровый, сильный Кроха замолчал.

– Да я так...

– Не так, а ехать надо и все проверить! – рыкнул Карабас. – Короче, рвем до Красноярска! Есть другие предложения?

– Есть! – сказал я. – Хочу проверить ту заброшенную ракетную часть. Там вроде бы все началось! Вдруг узнаем что-нибудь еще?

– Предложение отклоняется, – отрезал Карабас. – Мало тебе этой дряни в аптечке? А мне... – он запнулся, глянул на Ирландца. – Нам! Нам надо узнать, что с родными все в порядке. Неужели тебя там никто не ждет?

Я пожал плечами.

– В общем-то, нет. Начальство не в счет!

Кроха тоже сначала отрицательно покачал головой. С подругой, с которой он был на слете тогда, когда мы познакомились, он расстался прошлым летом. Она не смогла простить Крохе пошатнувшееся в связи с покупкой «Абрикоса» финансовое положение.

---

<sup>40</sup> Хурал – название выборных органов верховной и местной власти в Бурятии и в Монголии. Главный герой имеет в виду хурал как заседание совета

– Брат есть, – пожал плечами Кроха. – В Америке!  
– Далёко, – отстраненно сказал Ирландец.  
– Короче, едем в Красноярск! Все согласны? – Кроха обвел всех взглядом. – Значит, рвем туда.

...В оставшееся до темноты время мы с Ирландцем решили выбраться в город. Он считал, что неплохо было бы пополнить наш арсенал, а я хотел найти палатку и коврик – мои «улетели» вместе с «Ямахой».

Палатку и дешевенький, синтепоновый спальник мы нашли в рыболовном отделе на каком-то небольшом рынке. Взломали жалюзи, я залез внутрь и вытащил в окно двуспальную, китайскую палатку, спальник, новенькую газовую горелку с баллонами и брезентовую куртку.

Найти оружейный магазин оказалось сложнее. Пока мы колесили по улицам городка, я все думал, как попадем внутрь, ведь магазин должен быть закрыт наглухо!

Мы попытались зайти в попавшийся на улице отдел полиции, но наткнулись на железную дверь внутри предбанника и пуленепробиваемое стекло в окне у дежурного. Ирландец с тоской посмотрел за стекло, где виднелся висевший на спинке стула ПМ в кобуре, но пришлось уйти ни с чем.

Вскоре нам повезло: на одной из улиц мы нашли полицейский УАЗик с открытой дверцей, стоявший возле ночного магазина. На заднем сиденье я обнаружил «Калашников», передал автомат Ирландцу. Тот сразу отсоединил магазин, глянул на патроны, дернул затворную раму, заглянул внутрь, остался чем-то недоволен. Снова подсоединил магазин. Вернул автомат мне. А потом посмотрел вдоль улицы и изменился в лице. До боли сжал мне плечо.

– Не дергайся. И не ори. Оборачивайся о-очень медленно.

Я повернул голову. Метрах в пятидесяти от нас возле припаркованной «Нивы» стояла здоровенная серая тварь.

Солнце уже скрылось за крышами домов, но до сумерек еще было далеко, и я успел довольно хорошо рассмотреть существо.

В нем было не меньше трех метров роста. Тонкая, длинная шея, голова небольшая, круглая, с выдающейся вперед нижней челюстью. Тело узкоплечее, длинное, плотное, и лапы длинные, мускулистые. Передние – совершенно как человеческие руки, с крупными кистями и шестипалые – так уж мне показалось, а задние – тоже длинные, собачьи. Сначала я решил, что это какое-то животное, но потом тварь села на задние лапы и стала *открывать* стоявшую у обочины «Ниву»!

Меня просто холодный пот прошиб, когда я увидел это!

Мы, не сговариваясь, бросились на асфальт. Отсюда, из-под машины, тварь не было видно.

– Тикаем?.. – спросил я.

– На фига? – удивился Ирландец и сдернул с плеча «Вепря». – Сейчас трофей добудем! Сиди тут!

Он бесшумно двинулся вокруг УАЗа, но и я на месте сидеть не стал, проверил автомат и обогнул машину с другой стороны. Выглянул из-за колеса. Отсюда можно было наблюдать за передвижениями непонятного существа. Чудовище разбило стекло машины, и сразу же, действуя на нервы, завывла сигнализация. Но на монстра это не произвело никакого впечатления, словно он знал, что это завывание не опасно.

Вытащил из кабины «Нивы» «вонючку»<sup>41</sup>, стал ее крутить в лапах, рассматривая, потом достал дамскую сумочку, совершенно человеческим жестом вывернул ее наизнанку на крышу

---

<sup>41</sup> «Вонючка» (сленг.) – автомобильный ароматизатор

автомобиля. Зазвенела мелочь, ключи, рассыпались какие-то дамские безделушки. Тварь задумчиво тыкала пальцем в вещи, как бы гадая, что может представлять интерес, а что нет.

Выстрел со стороны Ирландца раздался в тот самый момент, когда тварь снова нырнула в салон «Нивы». Иркутянин промазал!

Тварь оглянулась на УАЗ и в следующий миг с ее плеча сорвалось что-то круглое, метнулось к нам, и внедорожник бесшумно взлетел в воздух. Он перевернулся в воздухе и упал позади нас на асфальт метрах в двадцати. Мы с Ирландцем оказались распростертыми на голом асфальте.

Я сдвинул флажок предохранителя вниз до предела, нажал на спуск и всадил очередь в белый свет, как в копеечку! Куда ушли пули, я даже не смотрел, бросился к дверям магазина, споткнулся на ступеньках и кубарем влетел внутрь. Прижался в простенок, перевел дух. Выглянул в окно. Ирландец открыл огонь одиночными еще тогда, когда я бежал к крыльцу. Надо было и мне его поддержать!

Но твари возле «Нивы» я не увидел!

Я аккуратно приоткрыл пластиковое окно, стараясь не светиться. Высунул в щель ствол автомата и снова выстрелил в том направлении, где только что было чудовище. Услышал взвизг монстра и отчетливые матерки Ирландца.

– Левее, Леха! – заорал он, и я снова выстрелил вдоль улицы.

Патроны закончились через секунду.

– Я пустой! – проорал я и на миг выглянул из двери.

Ирландец укрылся за стволом толстого тополя. Я вовремя прикрыл дверь. Раздался резкий свист, и мне в лицо ударил порыв обжигающе-горячего воздуха!

Я отлетел назад и врезался спиной в стеллаж с кошачьим кормом. Дверь слетела с петель, и в проеме я увидел монстра, шагающего по направлению к Ирландцу. В руках-лапах тварь держала какое-то оружие. Следующий выстрел она произвела в сторону иркутянина. Металлическую урну, стоявшую возле тополя, отбросило далеко вдоль улицы, дерево наклонилось, как под порывом урагана и осыпало Ирландца водопадом листвы. Несколько тяжелых сучьев упало на асфальт.

– Что за хрень?..

Тварь снова вскинула оружие, но выстрела не последовало, возможно, закончились заряды, а возможно, возникли еще какие-то проблемы. Я не видел Ирландца, он почему-то не стрелял. Возможно, у него тоже закончились патроны. В таком случае ему следовало поторопиться. Тварь двигалась очень быстро, и в ней было не менее трехсот кило!

Но я зря грешил на иркутянина. Послышался звук его мотоцикла, видимо, он тоже все понял и успел добежать до «Ямахи».

Я сумел подняться на ноги и доковылять до окна.

Ирландец уже сорвался с места, но в следующий миг со второго плеча инопланетянина – а кто же это мог быть еще? – сорвался еще один шар, раздался негромкий удар, звук работы двигателя изменился на более звонкий, «Ямаха» вильнула, упала на бок и заскользила по асфальту. Следом за ней по асфальту ехал на заднице Ирландец.

Мотоцикл уткнулся в бордюр, остановился и заглох. Ирландец перекатился на живот, одновременно стаскивая со спины «Вепря», вскинул ее в сторону твари. Грохнул выстрел!

Но чудище не стояло на месте! Оно как будто было знакомо с оружием человека, отпрыгнуло в сторону, и выстрел Ирландца пропал зря. Судя по тому, что Ирландец взял карабин за ствол, как дубину, патрон был последний. Надо было что-то предпринимать!

Я стремительно выбежал через заднюю дверь магазина, оглянулся. Возле кустов сирени стояла старая двадцать первая «Волга». Камнем разбил окно, открыл дверцу, сел на сиденье. Завести эту старую колымагу было делом нескольких секунд.

Холодный двигатель не хотел схватывать. Я выругался, нащупал рычаг подсоса, несколько раз выдвинул и задвинул его, снова попытался завести двигатель.

– Давай! Давай же, зараза!

Двигатель схватил, я торопливо пристегнулся, воткнул скорость, развернул машину в узком проулке и погнал ее вокруг магазина.

На улицу я вылетел в тот самый момент, когда тварь подняла Ирландца за шкуру, как щенка. Я вдавил педаль в пол. Тварь, наконец заметив машину, повернулась ко мне.

Надеюсь, я успел хорошо разогнаться, прежде чем врезался в тварюгу!

Ощущение было – словно в бетонную стену вцепился. Меня бросило вперед, рвануло ремнем. Автомобиль заглох.

Но что это? Казалось, удар тяжелой машины не произвел на тварь никакого действия. Она стояла, нависая над «Волгой», и я отлично рассмотрел четыре круглых глаза, глядящих на меня в упор. Оказалось, ниже глаз на морду надето что-то вроде респиратора.

«Абзац котенку!» – промелькнуло в мозгу, потому что в этот момент ничего не мешало чудищу вскочить на капот машины и станцевать на нем джиги-дрыгу, – автомат с пустым рожком валялся на заднем сидении, – но тварина вдруг выпустила из лапы Ирландца, закрыла все свои четыре глаза и рухнула на асфальт прямо перед машиной. «Волга» покачнулась.

Я толкнул дверцу, вылез наружу. Ноги подгибались, но я все-таки справился с собой, опершись о капот машины.

Первое, что я ощутил, едва мои ноги коснулись земли – это запах. Запах был незнакомым, приторным. От него перехватывало дыхание. Мне захотелось отойти подальше, но я пересилил себя и стал разглядывать существо, лежавшее у машины. Сейчас я не был уверен, что это животное.

Серая шкура была словно соткана из миллионов нитей. Это было очень похоже на то, что я видел на плотине. Организмы или механизмы были схожими, они имели одно происхождение. Оказалось, что на животном – да животное ли это было? – было надето что-то вроде комбинезона. Все-таки это был инопланетянин!

– Что это за дрянь такая? – выдохнул Ирландец, и только тут я посмотрел на него. Кожанный комбинезон был разодран в нескольких местах. Красная буйволиная кожа кусками свисала с задницы, обнажая потертые щитки. Выглядело что сзади, что спереди довольно комично.

Я хихикнул, но это было, скорее, нервное. Вытащил телефон, сделал несколько кадров Ирландца, твари, Ирландца на фоне твари.

Иркутянин показал мне кулак, заметив, что я снимаю.

– Вокруг гляди! Тут еще таких же с десятков бегать могут!

Он озабоченно оглядел себя, потом мы снова переключили внимание на убитое существо. Ирландец несколько раз ткнул в серую массу стволом карабина. Тварь не шевелилась. Она лежала, ткнувшись мордой в асфальт. Глаза прикрыты, передние лапы вытянуты по швам. Когти на них были какие-то неправдоподобные – короткие, но острые.

Я снова посмотрел на Ирландца – спереди на груди и на предплечье комбинезона виднелись длинные рваные порезы. Отметина от когтей.

– Хороший комбез! – сказал Ирландец. – Был! Надо будет такой же купить!

В этот момент сзади раздался металлический скрежет. Мы разом обернулись.

Первой мыслью было, что «Ямаха» Ирландца ожила и пытается самостоятельно встать на колеса! У меня даже мурашки по спине побежали.

Но все оказалось прозаичнее: просто одна из этих странных сфер застряла в коробке передач, пробив картер, и теперь пыталась выбраться обратно!

– Валим! – крикнул я.

Мы были абсолютно безоружны.

На этот раз иркутянин не стал упрямитесь, мы подбежали к чудом уцелевшему «Сузуки». Ирландцу пришлось сидеть на заднем сиденье и держать в руках рюкзак с вещами.

– Ах так и разэдак! – с досадой стонал он на заднем сиденье. – Какой моциль был! Так и разэдак! А?

– Радуйся, что сами живы! Моцик еще найдем! А вот свою шкуру жалко! – зубоскалил я.

– Своя шкура заживет! – жалобно стонал иркутянин. – А вот моциль! Ах, какой моциль был!

– Так может, за руль? Твой же мотоцикл! – предложил я.

– Ну по чесноку, «Сузука» не моя! Соседа, дал по Байкалу покататься. Только где теперь тот сосед... Так что пользуйся! А я себе еще найду.

Кроха и Карабас сутились возле мотоциклов, собирались ехать нас искать.

– Третий клапан на цилиндр! – рывкнул Кроха, увидев нас. – Опять эта парочка без мотоцикла возвращается! Вас хоть от себя не отпускай!

– В дом! Быстро в дом! – заорали мы, спрыгивая с мотоцикла.

Друзья соображали быстро. Через миг мы уже были внутри за запертыми дверями. Все распределились по окнам, выглядывая на улицу. Но снаружи все было тихо.

– Че видели? – спросил Кроха.

Мой телефон снова пошел по рукам. Раздались матерки.

– То ли разведчик, то ли оккупант! Но точно не пиндосы!

– Я же говорю, рвать отсюда надо!

– Да кто же спорит?..

За окнами медленно опускалась темнота. Мы потихоньку, стараясь не шуметь, перекачали мотоциклы и машину во внутренний дворик и снова заперли двери.

Ночь показалась необыкновенно длинной. Дежурили по очереди, по два часа. Даже Бархан участвовал. Липкая тьма прильнула к окнам, притаилась в углах помещения. К окнам старались не подходить. Фонари включали только на кухне, окна завешали плотными одеялами.

Хуже всего было Ирландцу – несмотря на экипировку, по всему телу у него расплывались синяки. От дежурства его освободили. Он принял аспирину и таблетку обезболивающего, но все равно почти не спал: кряхтел и матерился. Каждый из нас был знаком с «асфальтовой болезнью», и мы могли ему только посочувствовать.

Кроха разбудил нас всех, едва забрезжил рассвет.

Вещи поскидывали в пикап. Туда же, на заднее сидение, вместе с собакой сел Ирландец. Мы с Крохой оседлали мотоциклы и сразу же, не прогревая их, рванули со двора, прочь из города. Хорошо, что вчера успели заправиться и засунуть несколько полных канистр в «Тундру».

До Тайшета гнали, не останавливаясь, и я понял, что был какой-то высший смысл в том, что Ирландец остался без спортбайка, – он бы не проехал. А может, проехал, но напался бы всласть! Под колесами была жидкая глина, местами колея, и даже мне то и дело приходилось туго.

Но дорога по меткому выражению одного знакомого байкера, «втягивала нас, как пылесос», останавливаться не хотелось, да и не зачем было. Каждый, кто ходил «в дальняк», знает, что через какое-то время вверх начинает брать не разум, а некий сверхинстинкт движения, который гонит тебя вперед и только вперед – к цели! И скоро перестает существовать все, кроме самой дороги, кроме ветра, бьющего наотмашь по щекам, и низких туч, которые несутся по небосклону навстречу тебе.

Но после Тайшета я стал притормаживать, оглядываться по сторонам. Где-то здесь должен был быть тот самый отворот на заброшенные ракетные шахты.

Глядел я, глядел во все глаза, но все-таки проворонил поворот, потому что вдруг перед нами возник тот самый заброшенный пост ГИБДД, а это означало, что мы уже въехали на территорию Красноярского края.

Мы пришпорили коней. Впереди был Канск, а потом и Красноярск.

Подозревать нехорошее мы начали спустя два часа.

Во-первых, начало стремительно темнеть, хотя не было еще и полудня. Пришлось включить фары.

Во-вторых, Канск исчез! Он должен был появиться через сто двадцать километров после поста, но не появился. По обе стороны от шоссе пошел какой-то темный, еловый лес. Мы смотрели вокруг – узнавали, и одновременно, не узнавали местность.

Темнело.

Но и это еще не все: впереди, над лесом, появилась тонкая пелена. Она поднималась высоко вверх, и исчезала в облаках. Невозможно было сказать, насколько далеко она находится, ничего не могли мы предположить и об ее природе.

Пелена была тонкая, просвечивающая, отблескивающая всеми цветами радуги, словно лунный камень.

Между тем неплохо было бы уже пообедать, да и заправиться тоже не мешало! Бензин в канистрах был еще, но это следовало оставить на неподвиженный случай.

– Что будем делать? – тревожно спросил я, когда мы в очередной раз остановились размять ноги.

Под ногами вертелся Бархан. Он тоже был рад размять лапы.

– Да хрен его знает! – озабоченно ответил Кроха. Обернулся к Карабасу. – Ну что? Едем еще час, если ничего не изменится, поворачиваем назад?

Карабас мрачно посмотрел в темную даль трассы. Глянул вверх, на непонятную штуку, перекрывавшую небеса. Из машины выполз Ирландец, кое-как распрямился, доковылял до нас. «Вепря» из рук он не выпускал и тоже смотрел вперед.

– Че, мужики, похоже, дела наши швах?

– Похоже на то, – откликнулся я.

Как-то так распределилось, что Карабас и Кроха были вроде бы от нас отдельно. Они и по возрасту были ближе друг к другу, да и знакомы уже давно. А мне все-таки был ближе Ирландец. Ну да, он мент, а я сиделый. Ну и что теперь? Теперь уже вообще все равно, кто кем раньше был. Теперь надо было вместе держаться.

Примерно через полчаса дорогу накрыл туман. Он был странный, он лип к лицу и фаре, и через десять минут стало казаться, что мы едем в густом, темном киселе. Езда в темноте вообще занятие не из приятных, а тут еще туман.

Мне то и дело казалось, что с обочины машут лапами серые тени, тянутся сцапать. На душе было тревожно, а перед глазами то и дело всплывали эти острые когти на передних лапах у той серой твари. А ведь сами лапы были так похожи на человеческие руки! Только пальцев шесть.

Теперь я жалел, что так и не стянул вчера с ее морды респиратор. Надо посмотреть, что под ним. Неизвестность ведь всегда пугает больше. Понятное дело, я не ожидал, что у твари с такими когтями и с четырьмя глазами будет ангельское «личико», но оценить длину клыков надо было. А то в темноте можно напридумывать невесть чего!

В конце концов, туман стал таким густым, что мы уже не видели дороги, да и друг друга – тоже едва могли различить. Более-менее была заметна только «Тундра». Карабас врубил уста-

новленную на крыше внедорожника «люстру»<sup>42</sup>, и в ее ярком свете мы еще какое-то время могли двигаться, но потом были вынуждены остановиться. Я поднял стекло шлема, чтобы различить хоть что-то, но возле лица плавала темная взвесь. Пахло горелым, может, даже серой. Я сразу же натянул на лицо бандану, повязанную на шее, чтобы не дышать гадостью. Мне еще приступа астмы не хватало.

Мы с Крохой забрались в салон внедорожника.

– Чего, мужики, может, мотики бросаем и дальше рвем? – предложил Карабас.

– А воздушный фильтр выдержит? – спросил я. – У меня мотоцикл уже кашлять начал. Не хватает воздуха. Да и я скоро тоже того начну... Кашлять! Заглохнет мотик – не беда: загрузим в кузов и поедем. А вот заглохнет «Тундра», что будем делать? Пешком пойдем? Я бы пошел, если бы впереди хотя бы Канск маячил, но че-то мне кажется, что не туда мы движемся. Как бы нам самим не заглохнуть на такой дороге!

– Рвем дальше! – прохрипел сзади Ирландец.

В этом было что-то совершенно иррациональное, но мы предприняли еще одну попытку и поперли вперед!

Я потерял сознание минут через двадцать. Просто стало нечем дышать, и я быстро, так что даже ничего не успел сообразить, на ходу провалился в бесчувственную тьму. Удара о землю я не ощутил.

...В себя я пришел от укола. Кто-то, не особо церемонясь, воткнул мне в вену иглу.

Я зашипел и открыл глаза. Надо мной нависал Кроха.

– О! Леха очнулся! – воскликнул он, увидев, что я пришел в себя. – Нормально! – он ослабил жгут, начал вводить лекарство.

---

<sup>42</sup> «Люстра» (сленг.) – дополнительные фары на багажнике автомобиля. Проектора или противотуманки.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.